Жандарм

Автор:
Андрей Саликов

Жандарм

Андрей Саликов

Жандарм #1Наши там (Центрполиграф)

Времена Александра II Освободителя. Тихое патриархальное время «вальсов Шуберта и французской булки». Но это только маска. В полный рост встает звериный капитализм со своим шестнадцатичасовым рабочим днем. Голод в деревне. Кровавые бунты. И воровство ничего не боящихся родственников императора. А также терроризм, поддерживаемый из-за границы. И кровавая война с Турцией… Именно в это время попадает наш современник. Он не спецназовец, не фехтовальщик. Он – обыкновенный парень, умеющий работать руками. Вот только слова «Мне за державу обидно» для него не пустой звук.

Андрей Саликов

Жандарм

Отдельному корпусу жандармов посвящается

Нет хуже работы – пасти дураков.

Бессмысленно храбрых – тем более.

Но я их довел до родных берегов

Своею посмертною волею.

Р. Киплинг

Автор благодарит всех камрадов форума Черное Солнце, без них эта книга так и осталось бы не написанной, особая благодарность Марии Суворкиной. Большое Вам спасибо.

© Саликов А., 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Часть первая

Глава 1

– Зараза.

– Тихо.

Это наш унтер: если не заткнуться и лежать, наблюдая за прогалиной, то можно огрести неприятностей. Хорошо в лесу летом: свежий воздух, деревья кронами колышут – все это настраивает на созерцание и покой. Дождей нет уже две недели, и потому лежать в ельнике одно удовольствие. Все бы ничего, да комары заели. Интересно, угадал Семеныч с местом или нет? Кажется, промахнулся. Два часа уже ждем. Нас здесь пятеро: поручик Михайлов, унтер-офицер Смирнов и нижние чины: Юрьев, Овцын и я, Дроздов. Нам повезло, что с нами Семеныч – это мы его за глаза называем, а так господин унтер-офицер Смирнов Василий Семенович. Он наша легенда – начинал в Крымскую, два Георгия имеет, всю оборону от звонка до звонка прошел, а не любит говорить о ней. Бывает, расскажет смешные истории, случившиеся с его знакомыми. В

Польше уже унтером был. Вот про нее он нам не просто рассказывает, а на конкретных примерах показывает, как надо действовать.

«Главное, – говорил он нам, – не верить никому из местных. Для них мы все враги. Нам будут стрелять в спину даже дети. И самое главное – не вздумайте попасть в плен. Живые позавидуют мертвым».

Наш командир поручик Михайлов также прошел Польшу. Сын унтера, он выбился в офицеры благодаря упорству и железной воле. После Польши, где он хлебнул лиха, ему предложили перейти в корпус. Поскольку в армии ему ничего не светило, он без колебаний согласился. На мой взгляд, он и Семеныч немного параноики, но это помогло им не раз выжить. Ну а мы, молодняк, кое-что умеем, крови не боимся, но по-настоящему ее не видели.

После восстания 1863 года в корпусе начали анализировать свои действия. Помимо недостатков в агентурной работе хромала и реализация полученных сведений. Вывод был сделан, и в опытном порядке были сформированы конные команды. Но при формировании возникли сложности с личным составом и его оснащением. Стандартное кавалерийское не годилось, поэтому пришлось закупать необходимую амуницию и вооружение. И состав набирался исключительно из кавалеристов, которые готовы остаться на сверхсрочную службу. Это проделало большую дыру в фондах, но применение данных команд доказало правильность избранного пути. Но со временем выявилась необходимость и в пеших командах. А вот тут неожиданно дело застопорилось. Казалось бы, чего проще: опыт уже есть, бери и формируй. Так нет. Где найти командиров групп? Ведь ими могут быть только офицеры. Только количество человек в группе было не больше пяти. И это обстоятельство грозило перечеркнуть начинание. Офицеры отказывались от назначения любыми путями. В конце концов командиров стали набирать из низов, как наш поручик. И если офицеры-кавалеристы – это дворяне, то пехота сплошь из разночинцев.

Подготовка наша отличается от подготовки, принятой в армии, – упор делается на индивидуальное обучение. В нашей группе этим занимается Семеныч. Нас он гоняет как сидоровых коз: стрельба, тактика, рукопашка. Командование это только поощряет. Наше вооружение неподготовленного офицера потрясает до глубины души. Нож, «вессон»,[1 - «Вессон» – револьвер «смит-вессон» образца 1871 г. (1-го образца).] удобный ранец, портупея и драгунка.[2 - Драгунка – драгунская винтовка системы Бердана образца 1871 г.] Нет, у нас есть и шашки, и штыки, но хранятся они на складе. А вот ножи делаем сами. Я себе сделал

«вишню».[3 - «Вишня» – нож НР-43.] Семеныч, глядя на него, только хекнул – у него трофейный кинжал, и с ним он обращается виртуозно. Овцын и Юрьев сделали его копию. Мой выпендреж был оценен в дополнительные занятия рукопашной. Сейчас осматриваю свой сектор и жалею, что нет простого АК. Позиция у меня отличная.

Ну да, попаданец. Очередной. Только не надо кривиться. Нас есть два вида: первый, о которых ничего не известно по причине отсутствия последствий их действий. И второй, о которых все знают. Хотите пример? Пожалуйста. Русско-японская война. После ознакомления с документами складывалось ощущение, что японцы знали все наши действия, и некоторые шероховатости просто не имели большого значения. Но указать на попаданца – так засмеют и поставят клеймо идиота.

Обо мне знает только Семеныч. Он меня и легализовал как своего дальнего родственника. Как мы познакомились? Это не очень веселая история. Тогда я свой личный счет и открыл. Может потому и помог мне мой дядька – так я его не просто перед людьми называю, но и ощущаю. Ведь кроме него у меня и нет здесь никого.

За год до этого

В прошлое я совершенно не собирался. Тем более в такие «древние» года. Но человек предполагает, а Господь располагает. В тот день я взял два отгула и решил как следует отдохнуть. Начальство предупредил заранее, что в отгулы употреблю алкоголь. С утра. И фокус «по служебной необходимости» со мной не пройдет. Попытку шантажа – «не дадим отгул» – пресек сразу: отгулы были честно заработаны в различных командировках, и отступать я не собирался. В ответ предложил заплатить деньги, причем согласно законодательству. На меня посмотрели как на личного врага, но отгулы дали.

И жизнь хороша, и жить хорошо. Настроение под стать погоде – солнечное и жизнерадостное. Вот уже час, как я хожу по лесу, собирая грибы. Правда, это лисички и сыроежки, подосиновики все червивые, но я и не рассчитывал на них: слишком жаркая погода стоит. Корзинка была наполнена на треть, и я решил возвращаться на дачу. Набежавшая тучка, закрывшая солнце, не смогла испортить настроение. Через пять минут она убежала. Сориентировался по солнцу и, убедившись, что никуда не отклонился, пошел дальше. Пройдя метров

триста, я остановился и огляделся.

И тут меня встряхнуло: лес был не тот. Более заросший, он словно вернулся назад, во времена, когда был здесь хозяином. Успокоившись и зная, что мимо города точно не пройду, двинулся вперед. Загоняя в глубь себя дурные предчувствия, вышел к железной дороге. И тут же медленно сел. Шпалы были деревянные. Этого не могло быть. Уже лет пятнадцать, как их заменили бетонными. Присмотревшись, я понял, что и сама дорога расположена, как в старые годы. Старые годы. От этих мыслей я взмок. Кое-как поднявшись, пошел вдоль рельсов, где из рассказов должен был быть вокзал. Вокзал именно там и был. Уже зная, что там увижу, медленно зашагал вперед.

Прикинул, что же делать дальше. Положение у меня поганое. Нет, слава богу, могу на токарном и фрезерном станках работать, правда, по второму разряду, слесарить могу. Вот только, как говорил почтальон Печкин, у меня документов нет, а это очень плохо. Я здесь никто и звать меня никак. Придется идти искать любую работу, причем немедленно. Сейчас я выгляжу пристойно. Но через пару дней все переменится – вместо прилично одетого поденщика появится шаромыга, которого тут же упрячут в участок. Начнем с классики. Разгрузка вагонов. С таким решением запрыгнул на перрон.

Похоже, я пришел на станцию ко времени отправления поезда. Поиск работы был ненадолго отложен, и, встав в начале перрона, я стал ждать поезд. Да, это было захватывающее зрелище. На миг все проблемы отступили, реальность превзошла все ожидания: мимо полз самый настоящий паровоз со старинными вагонами. Я медленно пошел вперед, разглядывая состав. Поглощенный этим занятием, чуть не налетел на девушку, едва успев остановиться. И удивился, увидев в ее руке револьвер, который она направила в жандарма, стоявшего к ней спиной.

– Сзади ствол! – крикнул я, попутно ударяя ее по руке с оружием.

Среагировал он мгновенно, повернувшись лицом к нам и одновременно уходя влево. Девица не успела ничего сделать, как получила от меня локтем в основание черепа. Жандарм, оказавшийся рядом, тут же скрутил ей руки. Подбираю лежащий револьвер. Похоже, «бульдог».

– Псякрев!

Услышав это, на автомате падаю на перрон, разворачиваясь на голос. Какой-то сопляк наводит на нас ствол. Стреляю в него, целясь в корпус, опережая его выстрел на секунду. Моя пуля попала ему в «солнышко», но, казалось, даже лежа он еще пытается выстрелить в нас. Не раздумывая, я всадил ему в голову контрольный, а тот единственный выстрел, который он успел произвести, попал в сердце девице.

Приведенное выше – это мои воспоминания. Правда, Семеныч, а это был он, описывает перестрелку по-другому, где все мои действия являются, по его мнению, верхом идиотизма.

Девицу локтем по голове (правильно, но не при людях). Описание, как я ее обезоруживал, могло поспорить красотой слога с творениями Баркова. Ну а «дуэль» с парнем не выдерживала никакой цензуры, вороны на лету краснели. Но это было потом, а пока я сидел в полицейской комнате вокзала, ожидая начала допроса.

– Я унтер-офицер Смирнов Василий Семенович. Начальник здешнего жандармского пункта.

– Дроздов Сергей.

– Паспорт есть?

– Нет.

– Та-ак. Украли?

– Нет. Его у меня вообще нет.

– Ну и что мне с тобой делать? Жизнь мне спас…

– Василий Семенович, выслушай меня, пожалуйста. – Терять мне было нечего, а сейчас у меня появился шанс. Пусть крохотный, но упускать его не следовало. – Возможно, мои слова покажутся вам бредом сумасшедшего, но прошу отнестись к ним серьезно.

– Хорошо. Рассказывай.

– Я родился в 1979 году. В ваше время попал из две тысячи девятого года. Вы мне, конечно, можете не верить, но посмотрите на эту вещь. – И я, достав из кармана старую «нокию», протянул ее жандарму.

Если я хотел удивить его, то цели своей добился. Мобилка выглядела инородно посреди стола, заставленного старинными вещами. Унтер молча смотрел на нее, не пытаясь взять в руки.

– Убери. – Встав из-за стола, он подошел к шкафу, посмотрел на стоящий графинчик и, решительно развернувшись, сел обратно.

– И что дальше?

– Дальше будем спасать империю.

– Кто ты такой…

– Я тот, кто знает, как и когда империя рухнет. Хочешь знать, что будет?

Вкратце пробежался по датам и событиям. Он смотрел на меня и, как мне казалось, просто не знал, что делать. Такие сведения не его уровня, и унтер это прекрасно понимал.

– Василий Семеныч, поверь мне, мои знания теперь опасны для страны. Я знаю, что вся верхушка прогнила.

– Не вся…

– Согласен, наследник хорошо себя показал, но его, похоже, убили. Нет у меня конкретных доказательств. Есть одно, но косвенное. За месяц до крушения царского поезда некто Витте заявил, что если государь поедет по этому пути, то обязательно будет катастрофа.

– И что?

– Через месяц государь поехал именно по этому пути, и, как и предсказывалось, произошло крушение.

– А этот Витте?

– Не перебивай, пожалуйста. Этот Витте совершил такую головокружительную карьеру, что современники удивлялись.

– Но должно было быть расследование.

– Василий Семеныч, не поверишь, но расследование было проведено самим Витте. Ну а к чему эта гнида привела Россию, ты знаешь.

– Это мы еще посмотрим. Пойдем, потомок, сам говорил, война у нас.

На лице у него играла такая ухмылка, что мне стало страшно. Война продолжалась, но не так, как думали ее создатели.

Слухи и сплетни держались в городе довольно долго. Еще бы, перестрелка, как в САСШ, двое убитых, одна из них девица. Прибыла, как водится в таких случаях, комиссия, и, естественно, начали меня туда таскать. Правда, Семеныч успел сделать мне ксиву, и теперь я его дальний родственник. А это, как говорится, две большие разницы. Не голь перекатная, как раньше, а уважаемый человек, с родней и кое-какими связями. Нет, отношение ко мне со стороны комиссии было как к быдлу. Правильно, вчерашний крепостной завалил пару благородных, непорядок, ну убили бы этого жандарма, и бог с ним. Да, именно так один судейский мне и заявил. Я малость от такого растерялся – осталось у нас еще много от советской власти, не давала она вот так вытирать об людей ноги. А здесь, стоя перед этими гнидами, мне сразу стало ясно, что я никто, человек второго сорта. Ладно, посмотрим, кто кого.

– Так, значит, то, что я уничтожил террористов, вы мне вменяете в вину?

От неожиданности председатель поперхнулся водой. Остальные оторопели от такой наглости.

– Значит ли это, что теперь верноподданные, видя преступное деяние, должны пройти мимо?

На комиссию было приятно смотреть: раскрытые рты, красные рожи, в глазах ненависть и растерянность. Просто сидящие рядом офицеры корпуса с интересом ждали продолжения.

– Значит, при покушении на его императорское величество тоже стоять и смотреть? – А вот такой постановки вопроса никто не ожидал. – Да за такое раньше…

Договаривать я не стал. Что раньше за такое бывало, знали все. Причем доставалось так, что некоторые и в петле болтались. Оба офицера буквально впились в лица судейских. Конечно, взгляд к делу не пришьешь, но мнение составить можно.

– Можете идти, – просипел председатель.

Правда, теперь лица этих гнид были нежно-бледного цвета, пустячок, а приятно. Как говорил старый мастер, «дать я вам ничего не могу, но нагадить…».

Спустя неделю я тихо и без помпы оказался в рядах корпуса. Семеныч уезжал вместе со мной, начальство решило не рисковать и просто перевести его на другое место. Всю дорогу я старался сдерживаться и не вертеть головой во все стороны. Получалось не очень: старинные здания вокзалов, которые я видел лишь на фотографиях, будки стрелочников – все это создавало какую-то нереальную картину. «Путешествие» по Москве почти не запомнилось, толчея, ругань извозчиков, запах лошадиного пота и свежего навоза. Прибытие в казармы московской команды прошло тихо и спокойно. Получив форму, я под руководством Семеныча аккуратно ее подогнал и на смотре был не пугалом, а вполне приличным солдатом. Ну, КМБ был стандартным: строевая, немного поучили обращаться с винтовкой и револьвером. Учиться мне нравилось, ничего сложного в устройстве оружия не было, и во всех премудростях я разобрался очень быстро. А на стрельбище умудрился удивить офицера, попав всеми тремя выстрелами в мишень. Для зеленого новичка это почти недостижимый результат. Недолго думая меня сделали стрелком.

– Молодец, не подвел старика, – похвалил меня Семеныч.

Мое повышение нужно было отметить, поэтому он договорился с фельдфебелем и парой унтеров, пригласив их на посиделки. Меня, как виновника, прихватили. Теперь, сидя в трактире, старики степенно разговаривали, не забывая выпивать и учить меня жизни.

– Ты, парень, теперь смотри, стрелком стал, но нос не задирай, – поучал фельдфебель. – Знаю, что в деле ты уже был, дядьку своего спас.

– Да что вы, Иван Силантич, какое дело, так, перестрелка, – мигом ответил я, уж больно в глазах у него что-то было при слове «дело». – Ежели такое делом называть.

И пожал плечами: мол, не знаю тогда, как дело именовать. Судя по всему, мой ответ старикам понравился.

– Молодец, Василий Семенович, хорошо племяша воспитал. Не мучаешься с ним, все на лету хватает.

– Стараемся, не посрамил покуда, но гонять его еще и гонять.

– И погоняем, парень здоровый, выдюжит.

В общем, старики мудро решили, что такого молодца нужно еще немного напрячь. Роптать я и не думал, как известно, навыки лишними не бывают. Поэтому, когда меня заставляли маршировать на плацу с ранцем, полным кирпичей, я не ныл. Зато когда начальство, грозившее нам проверкой, наконец нагрянуло, то попало в подготовленную «ловушку». Иезуитский план фельдфебеля сработал на все сто. Ветеран с Георгиями, молодец стрелок, достойный преемник славных традиций, прям плакат. В общем, мы сразу выбили проверяющих из колеи. Покрутившись немного, они убыли, оставив положительный отчет. Неожиданно нас с Семенычем припахали охранять сбербанк.

* * *

Теперь – а что это жандармы в лесу делают? Охотимся. Вообще, это не наше дело, пусть стража комаров кормит, но родню нашего командира капитана Мезенцева Федора Михайловича ограбили. Вот и гоняемся за бандой, хотя пять человек – так себе шайка. Командир – человек умный и, понимая, что искать этих варнаков будут лет триста, решил совместить приятное с полезным: вызвал к себе поручика Михайлова и попросил помочь. Отобранные деньги – ерунда, а вот фамильное кольцо было жаль. Понять капитана было легко, тайны в кольце никакой не было. За исключением того, что предок Мезенцева заказал его будущей супруге, будучи уже в чине поручика, а начинал он рекрутом, прошел Очаков, Рымник и Измаил, уцелел и стал родоначальником целой династии.

После этой беседы поручик, построив нас, приказал данную группу зачистить. В успехе он, естественно, уверен и посему предложил выбрать снаряжение, которое мы хотели проверить в бою. Обещая хорошо зарекомендовавшие образцы в будущем ввести в штат обязательного снаряжения.

Два дня мы рыскали по лесу, но все-таки нашли следы бандитов. Посовещавшись, Семеныч и Михайлов выбрали эту тропинку, предварительно объяснив каждому его действия.

Вот они, голубчики, идут, мой – третий с начала. Подпускаем в упор. Молодец Семеныч, вот что значит опыт, все рассчитал. Так, работаем. Валим их – и домой. Выстрел. Четвертый, по описанию похожий на главаря, получив пулю в ногу, неловко валится на землю. Стреляю в своего, целясь в корпус, замечаю, где он упал, одновременно перезаряжаю драгунку, ловлю в прицел голову. Выстрел. Вижу брызги, отлетающие от его головы. Перезаряжаю. Овцын и Семеныч, прикрывая друг друга, рывком преодолевают расстояние до раненого бандита. Мгновение – и он скручен. Конец операции.

– Вашбродь, все, – говорит унтер, – четверых пристрелили, а пятого живьем взяли.

– Унтер, допросить захваченного бандита.

– Есть.

– Дроздов, Овцын. Собрать оружие и бумаги.

– Есть.

Обойдя главаря и четверых покойников, мы подобрали одно неплохое охотничье ружье, старый кавалерийский штуцер, пару древних пистолетов начала века, ну и ножей шесть штук. В общем, вооружены они были неплохо. Если не зарываться, а нападать на немногочисленных путников, этого оружия явно хватало. Бумаг при них не было. Денег и ценностей мы также не нашли.

А Семеныч пока допрашивал пленного. Пара ударов по ране и морде сразу помогли разговорить главаря. Отправив к тайнику Овцына и Юрьева, мы остаемся на месте. Главаря хоть и перевязали, но на скорую руку, и он постепенно слабел. Где-то через сорок минут вернулись оба наших посланца, причем явно довольные, неся небольшую коробку. Поручик подошел к ним и, быстро просмотрев содержимое, кивнул Семенычу. И тот мгновенно перерезал глотку раненому главарю.

Наши группы пленных стараются не брать.

К деревне вышли уже часам к пяти. Объяснив старосте, где лежат труппы бандитов и отправив туда три телеги с мужиками, мы пошли к станции. А там встретили обер-офицера стражи с командой, но наезжать на нас тот не решился, все-таки с осназом корпуса не поспоришь. Дальнейшее было неинтересно – различные торги с нашим командиром. В общем, мы попали в родные казармы только на следующий день.

Глава 2

Террор. Он одинаков во все времена. Кровь, грязь и горе. Пока здесь он младенец. Убитые солдаты и офицеры в невысоких чинах не в счет. Страшно, что террор не считали чумой, и понемногу он стал входить в моду – во многих высокопоставленных семьях юные отпрыски фрондировали этим. Словно раковая опухоль, террор разъедал общество. И он был безопасен: суровых приговоров по делам о нападениях и убийствах не было. Детки больших родителей в него просто играли, им было безразлично, кто погибнет, главное, что они это делали для всеобщего счастья. И не важно, что большинство населения не понимало, чего они хотят. «Кто не с нами, тот против нас» – этим

все было сказано.

Но империя держалась. Теряла солдат и офицеров, но держалась. Раненые возвращались в строй и, стиснув зубы, ждали приказа навести порядок в стране. Его ждали все и не понимали, почему его нет. Ждали и надеялись, что вот-вот он будет.

Но я и Семеныч знали, что приказа не будет.

Картинки из прошлого

– Если это правда, то нужно немедленно известить государя, – сказал унтер взволнованно.

– Какого государя? Нынешнего? Нет, ему ни в коем случае нельзя давать эти сведения.

– Да ты в своем уме?

– Я да. А ты, похоже, плохо слушал, о чем я тебе рассказывал. Вас предали.

– Ты что мелешь? На кого посмел…

– Я посмел?! – Раздражение, копившееся во мне, вырвалось наружу. – Нет, это ты не хочешь посмотреть правде в глаза. Вспоминай Польшу, как ждали до последнего, как запрещали стрелять. А сейчас что творится? Вам нельзя стрелять в ответ, надо после задержания на вы с этой мразью. Или я не прав?

– Это приказы царских министров, – сказал Семеныч, набычившись.

– Да слушали эту сказку. Хороший царь и плохие бояре. Да только подрывают они власть царскую. И заметь, никого из них не казнили.

– За что казнить-то.

– В моем времени это называли измена Родине. И расстреливали за нее, невзирая на лица.

– Ты мне пока байки рассказываешь. Вот ежели завтра или дней через пять случится то, о чем ты мне говорил…

– В семьдесят восьмом Вера Засулич будет стрелять в генерала Трепова, градоначальника Санкт-Петербурга. Был суд, который ее оправдал. И в зале суда находился канцлер, который аплодировал этому решению. Царь оставил этот приговор без изменений, хотя обязан был вздернуть всех присутствующих, исключая конвой. Что тебе еще надо, какие доказательства приводить? Этот позор будет, увы…

Не верит мне Семеныч, в голове это у него не укладывается. Хотя в 91-м у меня тоже не укладывалось, как такое возможно. Ладно, отставить самокопание, вас, жандарм Дроздов, ждет ваша винтовка. Почистили? Тогда спать, завтра опять поездка.

Не знаю, кто руку приложил, только нам с Семенычем досталась довольно интересная служба. Сопровождение ценных грузов, а проще – инкассация. Когда нас ознакомили с задачами, я запутался – чего там только не было! Понял только то, что теперь кататься нам по железке до пенсии. Работа не пыльная, а опасности… я вас умоляю, вы слышали об ограблении поездов в эти годы? Нет? И я нет. Груз стандартный, ящик с золотыми монетами, вес десять килограммов. Охрана семь человек. Любой шайке по ушам настучим запросто. Так мы уже месяц ездим, и в Питере был два раза. Ага, на перроне, ящик отдали, ящик забрали, пожалте в вагон. Не знаю, как сложилась бы моя судьба в дальнейшем, но на пути нам повстречалась маленькая станция.

– Господин губернский секретарь, подъезжаем, разрешите, мы харчей подкупим? – обратился Семеныч к сидевшему за столом чиновнику.

– Хорошо, Василий Семенович, сам проследи.

– Не извольте беспокоиться.

Пока Семеныч с двумя бойцами отправился за продуктами, я был поставлен в караул. Остальные в полной готовности сидели в вагоне, рефлекс. Мы наиболее

уязвимы именно на станциях, во время стоянки. Поэтому визит станового пристава вышел таким скомканным.

– Внимание, к нам гости.

Спешащую к нашему вагону «делегацию» нельзя не заметить. В десяти шагах торможу эту процессию.

– Стой, стрелять буду!

– Начальство позови, – рычит пристав. Но дальше не идет, молодец, понимает службу.

Народ, толпившийся на перроне, быстро рассосался. И немного его, обычно больше было.

– Старшего ко мне, – тихо командует секретарь.

Подобравшийся, он сейчас совершенно неузнаваем. Волкодав. И неожиданно я поежился. Теперь понятно, почему дядька так его уважает.

– Старший ко мне, остальным стоять. При неподчинении стреляю, – рявкаю команду. Спиной чувствую, как их взяли на прицел ушедшие Семеныч с ребятами.

Дела… Бунт. Самое хреновое то, чего я так боялся. Придется стрелять, стрелять, чтобы не убили меня, и все свои эмоции задушить. Да, помещики козлы и ублюдки, да, чиновников, что довели людей до такого, нужно вешать. Есть одно но. Меня мужики будут убивать всерьез. Объяснять им что-либо сейчас бесполезно. Добро пожаловать в каратели, Сергей.

Становой пристав совершенно прав. Бунт надо давить сейчас, жестоко, чтобы не разросся. Пока пара сел колобродит, но уже одна банда имеется.

– Унтер, если сейчас их не задавим, потом хуже будет. – Красные от недосыпания глаза пристава смотрят на Семеныча. – Шайку надо выловить. Крестьян надо усмирить. Ты же в Польше был.

А вот это удар ниже пояса. Нервы у дядьки не стальные, и при слове Польша он натурально звереет.

– Михаил Иваныч, выручай, у меня пятнадцать городовых, с твоими орлами нас двадцать четыре, и все, нету больше. Когда еще солдаты придут… Помоги, Христом Богом прошу.

– Пойдем, Василь Семеныч, – устало сказал Кондратьев и, покопавшись в чемодане, достал «вессон».

Если честно, то приставу повезло. Обратно из Твери мы ехали пустые, хотя по инструкции мы не должны были покидать вагон. Первые признаки анархии мы заметили издалека. Усадьба, похоже, горела. Добежав, я понял, что мы опоздали. Когда-то небольшой, но аккуратный дом уже сгорел, от него шел жар, в воздухе пахло гарью и, похоже, чем-то жареным. Перехватив взгляд дядьки, я все понял. Хозяев искать не надо, они в доме, вернее, в этих угольях. Поняли это все. Крестьян мы перехватили в двух верстах. Человек семьдесят неторопливо двигались по дороге. Многие были пьяные, у семерых были ружья.

– Стоять! – Рев пристава мог поспорить с паровозом.

Все это для меня происходило как какой-то сон.

– Товсь, – услышал команду Семеныча. – Пли.

Плотный мужик с винтовкой дергается и падает, затвор кверху, гильзу вон, патрон, затвор вниз, взвожу курок. Выстрел. Опять затвор… Выстрел… Выстрел…

– Вперед! Стой! Пли!

В общем, бунт был подавлен. Утоплен в крови. Тогда я убил четверых, практически безоружных. Раскаиваюсь ли я? Нет, если бы они устроили нападение на поезд, возможно, мог погибнуть я. Нам просто повезло. Выяснялось, что главарь шайки пронюхал о нашем вагоне, но крестьяне решили сначала пустить барину «красного петуха». Вот так.

Настоящее

Через два дня после рейда нас подняли по тревоге и придали в качестве группы захвата офицерам из охранного отделения. Погрузившись в старый ломовой фургон, не спеша поехали. Кучер, которого все звали Лукич, был наш, проверенный кадр. Всех революционеров ненавидел люто, его единственный сын погиб в теракте, устроенным Нечаевым.[4 - В реальной истории Сергей Геннадиевич Нечаев (20 сентября 1847 г., с. Иваново, ныне г. Иваново – 21 ноября 1882 г., Санкт-Петербург). В данной истории не был выдан в 1872 г. швейцарским правительством.] Если честно, то он просто попал не в то место и не в то время. Парочка восторженных юнцов ехала с грузом нитроглицерина взрывать очередного сатрапа. Но бомба сдетонировала в пролетке, от кучера и пассажиров мало что осталось плюс еще семерых прохожих хорошо контузило.

Сотрудничал он за идею и денег за свои услуги не просил. Но капитан Мезенцев провел Лукича как секретного сотрудника, и пришлось тому получать жалованье. Именно он и предложил нам воспользоваться таким необычным способом доставки нас до нужного места. Комфорта в ломовике не было никакого, но зато маскировка была идеальная. Ну, кто мог подумать, что в этом старье может скрываться группа осназа.

Прибыв на место, сразу попадаем «в дружеские руки» офицеров из охранного отделения. Их было двое: штабс-капитан Зотов и поручик Залеский. Вместе с ними было трое нижних чинов.

Наша цель – дом, находящийся в конце улицы. Информации о нем нет никакой: ни плана, ни сколько там находится человек – ничего не известно. Похоже, еще недостаточно погибших, чтобы учитывать каждую мелочь. Хотя, с другой стороны, возможно, элементарно не хватило времени все выяснить.

Разбиваемся на группы, вернее, нас разбивают, причем нашим мнением не интересуются. Хреново, самое плохое, что могло случиться, произошло. Мы попали под командование людей, которые никогда нас не видели и не знали наших возможностей. К великому сожалению, «качать права» бесполезно, нас просто обвинят в неисполнении приказов со всеми вытекающими из этого последствиями. Скрипя зубами, подчиняемся.

В первую группу входят штабс, Михайлов, Овцын и Семеныч. У них самая сложная задача: тихо проникнуть в дом и повязать голубчиков. Командует захватом (ага, не дай бог живыми не взять, так головы снимут) наш поручик. Помню инструктаж штабс-капитана:

– Поручик, вы и ваши подчиненные должны брать подозреваемых живыми. – Осмотрев нас, продолжил: – Мне не нужны трупы. Хватит тех, что вы по лесам оставляете.

«Доказательств у вас нет, – подумал я, – а те, что последний раз положили, вошли в статистику дивизиона. В этом отношении все нормально».

– Вы не на войне.

«Ошибаешься. Мы на войне, только не понимаем еще этого».

– И запрещаю вести допросы арестованных, как вы привыкли.

«А вот это ты зря, экстренное потрошение вещь жестокая, но крайне эффективная».

– Вопросы есть?

– Есть. Кого будем задерживать? И есть ли у них оружие? – спросил Михайлов.

– Арестовывать будем политических. Оружия у них быть не должно.

«Скажи, что не знаю. Будем считать, что оно у них есть».

Нашу группу возглавил поручик Залеский, и этот приказ, увы, не обсуждается. К поручику я потихоньку приглядывался, впрочем, и так было видно, что заносчив он чересчур, живет по принципу «я всегда прав». Намучившись с ним, наверное, решили в поле с опытным «дядькой» поднатаскать. Наша задача проста: расположившись на заднем дворе, тихо повязать тех, кто попробует сбежать, кому удастся ускользнуть от первой группы. Вот только сил для этого мало. Наша попытка указать на это была оборвана приказом заткнуться и не лезть не в свое дело.

Места для «лежек» выбрали сами, поручик не дал никаких указаний, как нам действовать. Переглянувшись с Юрьевым, мы поняли, что толку от такого начальника не будет. Похоже, действовать придется вдвоем, благо на занятиях мы это отрабатывали. И… стоп, гости. Трое тихо выскользнули со двора.

– Стой, ни с места, – крикнул Залеский.

В ответ гремит выстрел, и я понимаю, что прежний расклад улетел к черту. Первый, убитый Юрьевым, валится на землю, остальные, шустро упав, начинают стрелять. Черт, поручик стоит, идиот, во весь рост и не торопясь выцеливает из «вессона» «боевиков». Стреляю в левого, похоже – задел. Вокруг выстрелы и мат Семеныча. Они успели спеленать своих и пришли к нам на помощь. Поручик тихо валится на землю. Некогда смотреть, что с ним, Овцын и Юрьев добивают моего подранка. Третий, самый шустрый, успевает юркнуть в пристройку. Похоже, в осаду сел, скотина, а это недопустимо, и так нашумели. Откладываю в сторону драгунку, достаю из кобуры «вессон» и, держась «мертвой» зоны, перебегаю к углу двора. Через минуту позади меня оказываются Семеныч и Овцын. А теперь штурм. Достаю «зарю» и, чиркнув запалом о терку, кидаю внутрь. Взрыв. Мгновенный бросок – и последний «боевик» скручен.

Бежим к Залескому и видим, что он убит: пуля попала прямо в голову. Вставать нехрен, пижон, теперь точно мозгов нет.

– Господин унтер-офицер, – говорит Семенычу Михайлов, – выставить посты.

– Есть.

– Дроздов, обыскать убитых. Собрать оружие и документы.

– Есть.

Приступим. Револьверы «гассер» армейские, сделанные в Австро-Венгрии. Две штуки. Их происхождение ни о чем не говорит. Откладываем их в сторону. Что у нас в карманах? Патроны в количестве двадцати семи штук. Денег ассигнациями тринадцать рублей. Паспорта… Так, у убитого, словившего своей башкой пулю, что делает невозможным его опознание, обнаруживаю два паспорта. А вот это интересно: один из паспортов австрийский.

– Вашбродь, – окликаю я проходящего мимо штабс-капитана. – Посмотрите…

– Мм-ать. Вот это вляпались.

– Вашбродь, гляньте на револьверы.

– Так. Давай этого покойничка повнимательнее осмотрим.

Вспомнив Таманцева в аналогичной ситуации, начинаю стягивать с убитого сапоги. Сапоги как сапоги, вроде ничего особенного. Тщательно ощупываю каждый сантиметр. Ничего. Проверим каблуки. Удача улыбнулась при осмотре левого сапога. Кончики пальцев нащупали маленькую впадинку.

– Похоже, что-то есть. Отрывать каблук, вашбродь?

– Давай.

– Похоже, забивали его в мастерской.

– Или сам забил.

– Есть. Смотрите, вашбродь, коробочка какая-то.

– Дай-ка сюда. Похоже на опий.

– Бритты?

– Разговорчив ты, я смотрю.

– Вашбродь, вы не подумайте, просто мне один моряк знакомый рассказывал, что англичане опий выращивают и продают.

– Выращивают и продают, – передразнил меня штабс. – Много ты знаешь!

«Эх, штабс, знаю я много, только ты мне не поверишь. Скажешь, брехня. Не видел ты нариков, которые не то что опий, ацетон с соломкой варили. Их глаза, лица. Они уже не были людьми. Так, вампиры, за дозу убьют и не поморщатся».

– А может тех…

– А не может тех. Нет у них ничего.

– Понял, вашбродь.

– Ну а если понял, продолжай дальше.

Со вторым справился быстрее. Похоже, что это был обыкновенный стрелок.

Мы случайно зацепили весьма разношерстную компанию. И головная боль у офицеров охранного отделения обеспечена на ближайшую неделю.

– Этих срочно в участок.

Во дворе уже ждали три подводы.

– Мертвяков складывай в последнюю телегу, поручика в первую, она получше, и сена туда побольше положи.

– Дроздов, давай езжай с поручиком, и быстрее.

Это мне. Ну, удружил.

Задержанных у нас забрали сразу по приезде в участок. Меня это только обрадовало, услышанное оптимизма не добавляло. Если вкратце, то получается, что снова зашевелились революционеры: двое из пятерых точно политические, остальные какие-то мутные. Ну а что, занимались уголовщиной, так это только настораживало. Черт, ну не помню я, когда образовались народовольцы. «Землю и волю», как я помню, разогнали в 1864-м, сейчас 1876-й, и скоро начнется война 77-го, и где-то рядом, примерно в эти года, раскручивается маховик террора. Хотя он уже начался, и, по-моему, немного раньше, чем в моей реальности. И ниточки ведут за границу. Деньги, похоже, оттуда идут, слишком дорогое

удовольствие – заниматься террором.

Опиум. Вот это очень серьезно. И за опиумом стоят бритты, причем без вариантов. И это очень плохо, слишком много как англофилов, так и настоящих британских агентов. И палки в колеса совать будут, и попробуют авторитетом надавить. Но скорее всего, очень скоро коробочка с опием исчезнет, и расследование в этом направлении заглохнет. И через тридцать лет наркотики будут распространены на Дальнем Востоке. Надо будет запомнить всех, кто заинтересуется данным делом. Меня в расчет брать не будут, я для них «серая скотинка». Что прекрасно, постараюсь устроить им хороший сюрприз.

Вернувшись в казарму, начинаем сразу по свежим следам писать отчет. Причем коллегиальность была запрещена. Каждый пишет сам, что видел, слышал, делал. Конечно, эта возня с бумагами никого не радовала, но все понимали ее важность. Потратив час на написание своего отчета и сдав его в секретную часть, отправляюсь спать.

Утро добрым не бывает, как правильно заметил ослик Иа. После пробежки в три версты мне надо было идти к моему инструктору по минному делу штабс-капитану Ершову. Личность в узких кругах знаменитая. Начинал, как и все, в Польше, командиром саперной роты. И почти за год войны потерял всего семерых убитыми и пятнадцать ранеными. Если бы не дурная паненка, всадившая ему пулю в спину, то его карьера, без сомнений, пошла бы в гору. Фактически он создал прообраз штурмовых групп.

В нем соединились две страсти. Охота и увлечение взрывными работами. Прибыв к месту службы, он, естественно, отправился на охоту. И благополучно унес с нее ноги. Трудности, как известно, укрепляют характер и волю. Поэтому молодой еще тогда Ершов решил взять с собой солдат. На свое счастье, он решил проверить, как они стреляют. Некоторые попали в мишень. Глядя на эту картину, он понял, что, пока солдаты не научатся стрелять, охота для него закрыта. К несчастью для него, выяснялось, что солдаты вдобавок не умеют вести взрывные работы. Этого он перенести не смог.

Два месяца он как проклятый натаскивал свою роту. Каких нервов и труда это ему стоило, осталось тайной. Но когда полыхнуло, его рота уцелела только благодаря этим тренировкам. Ксёндз, тварь, чтоб ему черти сковороду погорячее калили, повел крестьян резать схизматиков, только не учел характера молодого ротного, вместо рефлексий тот скомандовал «залп». Остатки воинства

побежали, но золотого моста им давать не собирались. Ринувшиеся за ними саперы перестреляли всех до единого человека. А сволочного ксёндза Ершов приказал вздернуть. Вырезав своих мятежников, поручик сразу направился в ближайший монастырь, где его уже считали покойником. Обидевшись за такое к себе отношение, Ершов взял его штурмом, а братию по уже складывающейся традиции вздернул. Воплей было до небес, но, что удивительно, нападение на части почти прекратились, и подстрекать народ духовенство боялось. Кстати, та дура, вообразившая себя героиней, плохо кончила. Саперы, выжившие благодаря молодому поручику, подняли ее на штыки.

Глава 3

Картинки из прошлого

Человек семь мужиков успели сбежать, девятнадцать были убиты, двадцать девять ранены, четырнадцать сдались. Итог неплохой. А на десерт оказалось, что один раненый из шайки Кистеня.

– Господин пристав? – И, получив взмах рукой в качестве знака согласия, приказал волочь подранка за собой.

– Ну что, мил-человек, рассказывай, где вас ждут.

– Ты что творишь… – Но матерная тирада резко оборвалась.

Недолго думая я долбанул наглецу по раненой ноге и, не давая завалиться, отвесил пару оплеух.

– Понял все, мил-человек, – как ни в чем не бывало продолжил Семеныч. – Ты говори, облегчи душу-то. Помочь?

– Не надо, ваша взяла.

– Вот и ладно. Где подельники тебя ждут? Ну, не зли меня. – И Семеныч зыркнул на татя так, что всем стало не по себе.

Бандит сломался, ранение и допрос подорвали его силы. А сидевший перед ним унтер… Смерть перед ним сидела. Спустя пять минут он рассказал все, что знал.

– Вот, а ты упрямился. Его отдельно городовым передай, – приказал дядька и направился к приставу и стоящему рядом с ним губернскому секретарю.

Спустя минут десять он вернулся с пожилым городовым. Мы ждали его немного в стороне, наблюдая, как споро сортируют пленных.

– Все, хватит по сторонам смотреть. – Семеныч был озабочен, но старался это скрыть. – Веди.

И наш проводник нас повел. Старый – не значит слабый, этот постулат я понял через километр. Этот старик пер по лесу, как лось, но шуму почти не производил.

– Отдохните, а я пока пошукаю. – И городовой тихо растворился в лесу.

Спустя полчаса, когда мы уже начали волноваться, он появился:

– Здесь они, не ушли никуда.

– Это хорошо. Главаря видел? – задал животрепещущий вопрос дядька. Похоже, главарь нужен живым. – Давай веди.

– Вот что, давай я покажу твоим места, где стоять надо, чтобы аспидов этих побить. А ты сам смотри уже кому где стоять, – неожиданно уперся старик.

– Лады, показывай, – не стал чиниться Семеныч.

Дальше все оказалось просто, городовой указал четыре места, ну прям номера, где на одном оказался я. Спустя десять минут раздалась стрельба, и через пару минут на нас выбежало трое бандитов. Но стрелять мне не довелось. Я был «контрольным» стрелком и стрелять должен был, только если кто-то

промахнется. С расстояния в двадцать метров грохнуло три выстрела, и вся троица упала на землю. Отсюда было видно, что они уже у апостола Петра.

– Эй, сынки, – услышали мы голос Семеныча. – Вы как, живы?

– Живы.

Спустя минуту он показался и сам.

– Ну, что смотрите, обыскать. – Он указал на убитых. – Как закончите, ко мне подходите.

Настоящее

– Докладывай.

– Во время задержания подозреваемый укрылся в пристройку. Для его нейтрализации была применена граната «Заря». Поражающее воздействие хорошее. К недостаткам следует отнести запал, поскольку он требует отсутствия влаги. При дожде применение «зари» было бы проблематичным, – четко отбарабанил я заранее подготовленный доклад.

– Какое поражающее воздействие у «зари»?

– После ее применения задержанный получил легкую контузию и не смог сразу оказать сопротивление.

– Вот теперь доклад стал полным. Учись сразу ясно и четко излагать информацию.

«Блин, давно меня так носом не тыкали. Причем за дело», – пронеслось у меня в голове.

– Учись думать, думать нестандартно, ставь себя на место противника.

Вот тут на моем лице отразилось удивление. Так натаскивают командный состав.

– Ладно, свободен.

Мои догадки подтвердились через три дня. Построив нас на плацу, командование приступило к раздаче слонов. Поручик Михайлов получил чин штабс-капитана, Семеныч стал фельдфебелем, а мы – унтер-офицерами. Вдобавок наша группа развертывалась в отряд численностью тридцать пять человек. Если вы думаете, что я этому рад, то глубоко ошибаетесь: наша группа была хорошо подготовлена и имела пусть небольшой, но реальный боевой опыт. А сейчас все придется начинать сначала.

Структуру отряда довел до нас Михайлов, командир. Замом стал Семеныч, и образовалось три отделения по десять человек: Овцын и Юрьев командуют стрелками, а я саперами. Кстати, штабс-капитан приказал нам подготовить одежду и амуницию для своих отделений.

Честно говоря, я решил, что уж теперь развернусь. Прогрессор, блин. Но жестокая правда жизни вмиг привела меня в чувство. Сначала я подготовил штурмовой комплект: брезентовые штаны и китель со вставками из трех слоев кожи на локтях и коленях. Верхняя одежда состояла из куртки с капюшоном и теплой подкладки, которую можно снять. Вот только эта форма будет бросаться в глаза. Михайлов, посмотрев и примерив, сказал, чтобы я заказывал ее для себя и своих подчиненных. А также порекомендовал подумать, как можно доработать старую. Особо не напрягаясь, просто пришил кожаные вставки на нашу повседневную форму. Этот вариант тоже одобрили.

Больше всего проблем доставили вооружение и средства защиты. В последнее входили шлем и бронежилет. Их форму я слизал с современных образцов, но повторить материал, естественно, не мог. На их изготовление пошли толстая кожа, конский волос и двухмиллиметровые пластины металла. Конечно, такой материал не обеспечит прочности исходных образцов, пришлось ограничить функции защиты. От пули они не спасут, разве что она пройдет по касательной, но от банального удара палкой должны помочь. Все лучше, чем ничего.

К оружию я подошел очень вдумчиво. От того, как правильно я его выберу, зависит наша жизнь. Ножи – это обязательно, «вессон» каждому. А вот с

магазинными винтовками вышел облом: приобрести-то их приобретут, только как быть с патронами? Их много закупать не будут. Пришлось наступить на горло своей песне и остаться с привычными драгунками. Вот оружие для ближнего боя попило мою кровушку. Со скорострелками я разобрался быстро: пять комплектов ружей на базе «вессона» – и проблема решена. С дробовиками такой кавалерийский налет не прошел: нужных мне образцов еще просто не изобрели, пришлось делать их самому. Естественно, винчестер изобретать я не стал, это в книгах все умные и могут легко повторить будущие технологии и изделия. Просто я взял шестиствольный револьвер за основу, увеличил длину стволов, ввел ребро жесткости, к нему прикрепил рукоятку, сделал съемный приклад. Вот и все. Согласен, что неказисто, зато пять образцов сделали за неделю. Плюс ручная сборка, так что работали они как часы.

Мины и гранаты. С ними определились сразу. Вместе со штабс-капитаном Ершовым разработали и внедрили три вида гранат. Это «заря» – обыкновенный взрывпакет, но помощнее. Предназначена она для захвата пленных. «Эфка» и «колотушка» – из названий все ясно, какая форма и какие задачи они выполняют. Мину мы изготавливаем типа МОНки, до настоящей ей далеко, но на безрыбье и рак рыба. Электродетонаторы и подрывные машинки закупаем, их производят для взрывных работ геологам и горнякам.

Вот только интересно, чем вызвано увеличение численности: нашими успехами или надвигающейся войной. Уже разгромлена Сербия, и теперь мы пытаемся вытащить ее из дерьма. Похоже, снова все повторится. Я вспоминаю картины Верещагина и старый советский фильм «Герои Шипки». Только теперь через это придется пройти мне.

К войнам готовятся всегда, но объявляют, когда это выгодно. По-моему, эта война нам не выгодна: буквально вся Европа дает согласие на это «предприятие». Англия и Австрия дают нам понять, что не против того, чтобы мы вломили туркам. И наш канцлер как баран лезет в эту ловушку. Интересная получается ситуация. Естественно, пропаганда кричит: «Спасем братушек». Вот только через сорок лет они в нас стрелять будут.

Мы сопровождаем груз в Кишинев. Гоняем любопытных, а заодно строим охрану, чтобы шевелились и не расслаблялись. И в этой командировке с нами приключилась неприятная история. Охрану мы несли совместно с внутренней стражей, и под это дело нам сплавили всех раздолбаев в количестве пяти человек. Глядя на эти хари, очень хотелось пристрелить пару-тройку, чтобы

остальные поняли, что мы не на прогулке. Плюнули и мудро решили, что уж с охраной одного вагона с кабелем они справятся. Унтер, командовавший этой шоблой, по закону подлости оказался именно в моем эшелоне. Три вагона всего, кажется, что сложного? Только на первой же станции я увидел пьяных в дым охранничков. Разговор на повышенных тонах ни к чему не привел, и следующие две станции пьянка продолжилась. Не став поднимать лишнего шума, мы просто отметелели это воинство, а потянувшегося за оружием унтера я пристрелил. Труп скинули на первой же остановке, где горе-вояки его и закопали. Шум внутряки, к моему удивлению, поднимать не стали, а фельдфебель, принявший обратно присмиревшую команду, даже поблагодарил. Но все равно было неприятно.

А груз интересный: мины Герца. Заказчик – флот. Вас это не заинтересовало? Мне все понятно: минами перегородим Дунай – и привет, турецкие корабли можно списать. А для особенно настырных сюрприз – отмороженные экипажи русских минных катеров. Почему рассчитываем на них? Да потому, что наши адмиралы за пять лет не смогли построить хотя бы фрегаты. И катера – это импровизация. Кроме них, у нас ничего нет: пара недоразумений, названных военными кораблями, не в счет.

Задается вопрос: а как это немцы нам новейшие мины поставили? Может, для кого-то это шоком будет, но здесь мы с ними в хороших отношениях. Правда, когда принимали груз, немецкий коллега высказал Михайлову все, что думает по поводу нашей политики. По-русски и без мата. Думали, сквозь землю провалимся. Князь Горчаков в своем непонятном франкофильстве уже пошатнул отношения с Германией. Хотя надо по возможности поднять его послужной список. Создается впечатление, а не вербанули его в молодости? Его германофобская позиция наводит на неприятные размышления. Интересно, ведь в Крымскую Пруссия была нашим единственным союзником. А сейчас в верхах все влюблены в прекрасную Францию: как же, Париж, Монмартр. А на резонный вопрос, что они нам гадят, слышим: «Вы грубияны и лапотники, ничего не понимаете». Ответ, естественно, на французском языке. Вот так и начинаем жить. Император, правда, сохраняет дружбу с немцами, но он один. А эта гнусь, канцлер, ратует за дружбу с Францией, а ведь мы с ней уже дважды воевали. Я, грешным делом, от такого чуть не рехнулся: начало перестройки и нового мышления. На мой осторожный вопрос: «Как же так?» – был послан. Михайлов, читая газеты, мрачнеет все больше, задавать вопросы больше не решаюсь, но газеты потихоньку после него читаю. Ничего хорошего, в Англии осуждают османов. В Европе осуждают. Значит, подождут, пока мы не вломим туркам, потом поставят нас на место и возьмут себе что-нибудь вкусное. А австрийцы,

похоже, получили для себя что хотели. Потому как молчат и делают вид, что проблемы турок их не касаются.

– Подъем! – Крик дежурного обрывает мой сон.

Одеться и бегом на плац. Так мои все здесь.

– Становись, становись, становись!

Я, Овцын и Юрьев командуем своим подчиненным.

– Равняйсь! Смирно! – Семеныч завершает построение отряда.

– Вашбродь, отряд построен.

– Здорово, орлы.

– Здравие желаем, вашбродь.

– Вольно.

– Вольно.

– Нам предстоит важная задача. Мы в числе других будем охранять государя. Это наш первый серьезный экзамен. От того, как мы себя покажем, зависит наша судьба. Разойдись.

Но что-либо показывать и доказывать нам не пришлось. Отряд в полном составе просидел в Кремле безвылазно день. А ближе к вечеру нам объявили о частичной мобилизации, под которую мы попали.

Военные грузы мы больше не сопровождаем. Согласно приказу по корпусу готовимся к убытию в действующую армию. Отметили 1877-й. Кручусь, как белка, пытаясь все предусмотреть и ничего не забыть. Ершову намекнул, что пора делать заготовки гранат, пока не поздно. Инициатива наказуема, и я, высунув язык, обежал всех кустарей. Признаюсь, что пришлось нагло

использовать служебное положение, но все заготовки и материал для них я приволок. Дома меня ждал сюрприз: согласно приказу нас передали в третий жандармский эскадрон, вот только мы – пеший отряд, поэтому недолго думая нас отправили охранять обоз, по прямому профилю, так сказать. Плевать, главное, что наши повозки с имуществом пристроили в него. Подшучивали над нами, причем некоторые шутки были таковы, что пришлось набить кое-кому морду. Вот только я помнил из мемуаров Брусилова, как досаждали тылам башибузуки, настроение, и без того нерадостное, окончательно испортилось.

Война объявлена. Согласно планам наш эскадрон идет во втором эшелоне. Проходим Румынию, судя по всему, их части не собираются воевать. Господи, ну почему у нас всегда такие союзники, что не знаешь, с кого начать: с них или с противника?

– Вашбродь, разрешите обратиться?

– Обращайтесь.

– Надо трофейные турецкие винтовки собирать.

– Зачем? У нас свои винтовки есть не хуже. – Михайлов с интересом смотрит на меня.

– Есть, только патронов мало, лишь что с собой взяли. А у турок английские винтовки, получше, чем у нас, да и патроны проще достать.

– Дроздов, мысли у тебя интересные, только где винтовки хранить будем? А то их мигом армейцы отберут.

– Так унтер Смирнов много о севастопольской осаде рассказывал. Если они попробуют их отобрать, то пусть платят за них деньги и сразу. И никаких рассрочек. Мигом успокоятся.

– Ладно, уникум, только осторожно и чтоб никто не подкопался. А то посчитают мародером. – И одарил меня задумчивым взглядом.

– Так точно, понял, вашбродь.

– Дроздов, ко мне. – Это уже Семеныч. – Вот что, сейчас берешь свое отделение в «штурмовой» экипировке и вперед, в головной дозор.

– Господин унтер, зачем? Мы ведь пока в Румынии, – пытаюсь я отказаться от этого задания.

– Затем, чтобы и ты, и другие привыкли. Мы в дозор всегда идем, как в бой. Запомни, если хочешь жить. Нет здесь мира. Понял?

– Понял. Спасибо за науку. Но бронежилеты и каски может лучше не надевать?

– Ладно, можешь не надевать, иди.

Подхожу к повозке, где лежит наше имущество, и забираю из ящика гранаты, запалы и сумку для них. Беру по две «эфки» и «колотушки». К ним добавляю полсотни патронов, доведя БК до сотни. Вес давит, но ничего, у меня с таким запасом больше шансов остаться в живых. Выстраиваю отделение и тщательно проверяю каждого бойца. На войне мелочей нет.

Семеныч, как обычно, оказался прав. Сначала обозные похихикивали над нами, но чем ближе становился Дунай, тем уважительнее становилось отношение. Видимо, до многих доходило, что мы – их единственная защита. Все хорошее когда-нибудь кончается, закончилась и наша мирная жизнь.

Перейдя Дунай, мы двинулись за западным отрядом, куда входил наш эскадрон, входящий во 2-ю Донскую казачью дивизию. Не торопясь подъезжаем к Никополю, там узнаем последние новости о неудаче под Плевной. Несмотря на это, многие верили, что это временно и скоро мы снова будем наступать. Глядя на них, я угрюмо молчал, зная о втором штурме, где мы опять умоемся кровью, что командование западным отрядом снова бросит в лоб части без малейшего маневра. Кто кричал в моем времени о том, как воевали при Сталине, должно быть, удивились бы, что так воевали и при царе. Только если за такое «кровавая гэбня» стреляла «великих полководцев», то мы молчали, в отличие от потомков.

Штабс-капитан ушел представляться начальству, а мы начали расспрашивать старожилов об обстановке.

– Дык турка ночью налетает, чуть зазеваешься, и все, башку отрежет, – несколько покровительственно говорил унтер из местного гарнизона.

– А вы что же, не можете его побить? – закидываю удочку я.

– Молод ты еще, он ведь не воюет, так, наскочит. А прижимать начнешь, так бежит.

– А много турка? – Это уже Юрьев.

– Да кто его знает, не посчитать супостата.

– А скольких убили? – пытаюсь узнать что-то конкретное я.

– Да десятка два, это которых нашли, – ответил унтер.

Я потихоньку отошел в сторону.

«Двадцать – это найденных, еще накинем пятнадцать трупов, что с собой уволокли, плюс раненые, хм, семьдесят – восемьдесят человек турки потеряли. Очень неплохо, только сколько осталось? И действуют грамотно, вроде и земля под ногами не горит, а напряжение постоянное».

– Дроздов, ко мне, – кричит Семеныч.

– Архип, бежим, – окликаю Юрьева.

В сторонке уже стоят Овцын и Семеныч, подбегая, вижу, как к нам возвращается Михайлов.

– За мной, – коротко бросает он, подходя.

Глава 4

Картинки из прошлого

Странно, на мой взгляд, рядовое событие, но именно оно круто изменило мою жизнь. Доставив главаря пред очи начальства и получив похвалу, мы продолжили свой путь. А буквально через день Семеныча вызвал к себе Мезенцев. Странно, я терялся в догадках и откровенно трусил. Может, вскрылось, что мой паспорт поддельный, что не было никогда такого человека… Психовал тогда здорово. И, увидев наконец дядьку, немедленно рванул к нему:

– Василь Семеныч, что случилось?

– Так, племяш, рот на замок и шагом марш за мной. И дядька быстрым шагом направился к казарме.

– Занят, Иван Силантич?

– Нет, проходи, Василь Семеныч, не один, гляжу. С чем пришел?

– Дело такое, мне капитан наш предложил в осназ перейти. И племянника с собой взять. Вот я у тебя спросить хочу, что за зверь этот осназ.

– Интересно, не знаю, радоваться за тебя или нет. Ты у нас ведь недавно? Значит, многого не знаешь. Про кавалеристов слыхал, поди? Ну так вот, осназ – то же самое, только пешие. И вот еще что: офицеры в нем не благородные, понимаешь?

– Что же, спасибо, просветил.

– Да не за что. Сейчас ты как у Христа за пазухой, а в нем… Не знаю.

– Ты последние новости слыхал?

– А то как же.

– Так ждали нас, и, если бы не мужички дубовые, не знаю, сидел ли я сейчас здесь.

– Вот оно что. Да и там и тут смертишка. Не знаю, что тебе и сказать. За племяша-то как, не страшно?

– Страшно, но со мной рядом он дольше проживет. Спасибо тебе, Иван Силантич, пойдем мы.

– Переходить будете?

– Да. Он парень головастый, глядишь, и офицером станет.

– Это вполне. Грамотный и службу правит. Дай бог.

Спустя неделю я с Семенычем были уже в группе осназа. Увидели мы друг друга отнюдь не на плацу. Для нас были подготовлены две комнаты в дальнем крыле штаба, с выходом на улицу. Одна нашему командиру, вторая – для нижних чинов.

– Равняйсь! Смирно. Вашбродь, группа построена, – докладывает старший унтер-офицер Смирнов.

– Здорово, осназовцы.

– Здравия желаем, вашбродь.

– Я командир вашей группы, поручик Михайлов Алексей Иванович…

Настоящее

Пройдя минут двадцать, останавливаемся у жандармского пункта. Это большой дом, ранее принадлежавший какому-то богатому турку. Занимаем выделенные нам комнаты, скидываем пожитки и выходим во двор, строиться.

– Равняйсь! Смирно. Все уже слышали о нападения турок на наши посты и обозы? Нам предстоит охранять тылы. Непосредственная задача: находить турецкие отряды и с помощью армейцев их уничтожать. Регулярных частей

здесь почти нет, налеты устраивают башибузуки. Они в этом деле очень опытны, поэтому надо быть предельно внимательными. Командирам отделений через час собраться у меня. Разойдись.

Ровно через час мы входим в просторный зал. Кроме нашего командира, там были два офицера. Один незнакомый армейский подполковник, зато другой, ротмистр Зотов, знакомый по прошлому году, увидев нас, улыбнулся.

– Проходите и рассаживайтесь, – пригласил нас ротмистр.

– Господа офицеры, потрудитесь убрать отсюда нижних чинов, – процедил подполковник.

«Ах ты, сука». Мысленно ругнувшись, я стал ждать продолжения «инструктажа».

– Господин подполковник, я приказал прийти своим командирам отделений на инструктаж. – Михайлов говорил спокойно, но всем стало ясно, что своего приказа он не отменит. – Ротмистр Зотов доведет до нас, что требуется для выполнения…

– Господин штабс-капитан, вы с вашим отрядом должны немедленно направиться к Плевне, – набычившись, продолжил армеец.

– Где этот приказ? – Ротмистр, похоже, не собирался нас отдавать.

– Я только что его довел до вас.

– Мне он нужен в письменной форме. – Зотов тоже уперся, и происходящее ему не нравилось.

– Хорошо, он у вас будет…

– Когда будет, тогда и вы сможете забрать отряд. Не смею вас задерживать, – невежливо перебил подполковника Зотов.

– Вы допускаете большую ошибку, ротмистр.

– Возможно.

Наглый армеут зло посмотрел на Зотова, но пронять его таким манером, похоже, было нельзя. Поняв, что его миссия провалилась, он с презрительной миной удалился.

– Вам что, повторять надо… – Похоже, командир сильно не в духе.

Мы быстро рассаживаемся и начинаем поедать глазами начальство. Похоже, ротмистр уловил возникшее напряжение и поспешил его разрядить.

– Итак, вы уже наверняка успели узнать, что здесь творится. Поэтому сразу к главному. Наибольшую опасность представляет отряд Девлет-хана. Хан он никакой, но жестокостью дисциплину у себя держит. Наша задача его уничтожить. Но сперва я должен его допросить. С этим все ясно?

– Так точно!

– Не орите, не на плацу, – поморщившись, сказал Зотов. – Вам укажут место, где он будет со своими нукерами. Что еще?

– Вашбродь, – сказал я, – понятно, что это место секретное, но мне надо подобрать амуницию, с которой идти на задание.

– Он прав. – Михайлов внимательно посмотрел на ротмистра.

– Хорошо, под вашу личную ответственность, господин штабс-капитан. В тридцати верстах отсюда есть поместье богатого турка. Он, естественно, перед приходом наших войск сбежал, но все сокровища вывезти не успел. Поэтому, когда пройдет слух, что они найдены, Девлет-хан обязательно попытается ими завладеть.

«Стоп, я, кажется, фильм такой смотрел. Там так же на клад бандитов выманили».

– Вашбродь, а не слишком ли простая приманка? Ведь не дурак же он.

– Хм, не дурак, но клюнет на нее обязательно, наших солдат там не будет. Только болгары.

«Интересно, у него, похоже, агентура уже здесь появилась. Профи. Кажется, нам крупно повезло, как слепые котята мыкаться не будем».

– Все ясно.

– Вот и хорошо. Время и место до вас доведет ваш командир. И запомните, если мы проиграем, то он продолжит нападать на наши обозы. А каких трудов их стоит привезти, вы и сами знаете.

– Господин штабс-капитан, честь имею.

– Встать. Смирно, – командует Семеныч.

Ждем, пока ротмистр выйдет.

– Вольно, – командует Михайлов.

– Вольно, – повторяет Семеныч.

– Приступим. – Михайлов расстилает на столе карту.

«Вот это да. Нет, так не бывает». Я смотрел на карту и не верил своим глазам. На ней была детальна нанесена обстановка на этот момент.

«Почему такое внимание? В Москве так не готовились к захвату. Командование словно подменили. Не к добру это. – Мысли в голову приходили не самые лучшие. – И посоветоваться не с кем. Похоже, все поняли, что такая забота неспроста, но стараются использовать ее по максимуму».

– Так точно, все ясно, – говорю вместе со всеми.

– Исполнять.

На место мы пришли вечером, сразу начали оборудовать позиции, но все равно до темноты не успели. Правда, мины поставил я со своими гавриками засветло, а стрелковые ячейки копали уже в потемках.

А пока я наблюдаю в цейс занимательную картину, открывшуюся передо мной. С утра пришли обещанные ротмистром кладоискатели в количестве трех человек. Покопавшись примерно час, они нашли «свой» клад. Один рванул в деревню, а двое остались на месте.

«Хм, сюжет Честера. Интересно, они перережут друг друга или нет?» – лениво размышлял я.

К чести болгар, они, похоже, не думали следовать заветам английского классика. Через час мое внимание привлек крадущийся человек. А вот и второй. Черт, началось.

– Тревога, – яростно шепчу своим саперам, продолжая смотреть.

Все, в ножи болгар взяли. Вот она цена, что пришлось платить. Клюнул, гнида. Ага, третьего ведут. К трупам незадачливых кладоискателей подводят третьего. Судя по жестикуляции, он указывал на раскоп. Пара турок, осмотрев его, замахали руками. Стиснув зубы, смотрю, как убивают третьего.

Вот только не выстрелил бы кто-нибудь ненароком. Слава богу, сдержались. Ага, едут, голубчики. Стоп. Их двенадцать. В раскопе пятеро. Хан не появился, он где-то наблюдает за происходящим. Так, началась погрузка, ох, ни хрена себе… С удивлением наблюдаю, как пятерку мгновенно зарезали. М-да, как говаривал Генри Морган, «чем меньше нас, тем больше каждому из нас достанется». Очень хорошо, нам меньше возни. А вот и сам хан подъезжает с четверкой нукеров. Не вынесла душа поэта. Без сигнала, открыто, гад, едет. Правильно говорят о проклятии золота, никто не может перед ним устоять. По прибытии хана быстро был наведен порядок, и колонна немедленно потрусила в нашем направлении.

Организовывая засаду, мы учли, что с грузом лучше всего проехать по дороге, ведущей мимо заброшенного особняка. Турки знали об этом не хуже нас и, особо не раздумывая, направились по этой дороге. Местность неплохо просматривалась, и устроить здесь засаду крупной группой не представлялось возможным. На это и был расчет. Расставив МОНки и стрелков так, что получался

хороший огневой мешок, мы оставили вблизи только группу захвата.

Турки тем временем приближались к «маячкам». Нервы у всех буквально играли в ожидании начала боя. Вот основная группа в зоне поражения. Я замер у подрывной машинки. Ну. Ну. Выстрел! Хан кулем падает из седла. С матом замыкаю сеть, и четыре МОНки, мгновенно сработав, разметали строй врага. Гремят выстрелы стрелков, вижу рывок группы захвата к месту падения хана. Все. Тишина. Только жалобно ржут лошади. Один из разведчиков подал сигнал «закончили», что же, пойдем и мы.

– Сазонов, сматывай кабель, – скомандовал я. – Кожин, забирай машинку.

– Есть, господин унтер-офицер, – хором отвечают они.

Направляюсь к начальству. Похоже, им сейчас не до меня. Кроме хана, которым занимается лично Михайлов, захватили и пару нукеров. Так что Семеныч пока занят, расспрашивая этих «преторианцев». Вот и славно, пойду посмотрю трофеи. М-да. Картина Репина «Не ждали», вариант второй. Счастливый Юрьев, урча, гладит винчестер. Самый настоящий, который я видел в вестернах.

– Архип, скажи мне, зачем тебе этот ствол?

– Ты не понимаешь.

– Что? Скоро у тебя отдельная повозка под них понадобится.

– Серега, отстань, тебе не понять. – И Архип снова занялся трофеем.

– Сергей.

Оборачиваюсь и вижу машущего мне рукой Семеныча.

– Дроздов, – начал, но сбился наш командир. – Сергей, основная часть банды расположилась в верстах десяти отсюда. Их человек семьдесят.

– Ни хрена себе, – вырывается у меня.

– Но кроме них, есть еще небольшой схрон, в нем шестеро. И у них часть казны хана. Отпускать их нельзя.

Настроение у меня резко упало. Похоже, брать их придется мне. И с минимальными силами.

– Возьмешь с собой троих из своего отделения, – продолжил Михайлов. – И по паре получишь от Овцына и Юрьева. Вот тебе кроки, здесь у них схрон. Точнее определишь на месте. Не рискуй понапрасну, пленных можешь не брать.

– Ясно, разрешите выполнять?

– Выполняй.

Идти нам примерно верст пятнадцать. К вечеру дойдем. Похоже, все начнется и решится именно вечером. Отбираю троих из своих архаровцев и начинаю подбирать снаряжение каждому из них. Так, дробовик с двадцатью патронами, четыре килограмма взрывчатки и гранаты, две «зари» себе. Ну и по четыре «эфки» и «колотушки» на человека. Подошедших стрелков Юрьева и следопытов Овцына нагрузил каждого двумя большими флягами с водой. Сборы закончены, пора.

Этот марш всем надолго запомнился. По жаре, с полной выкладкой, мы отмахали эти версты за три часа. Пришлось остановиться, не доходя до места предполагаемого нахождения схрона. Выделил пятнадцать минут на отдых и подготовку к поиску. Стрелки и следопыты надели маскхалаты, а я с ребятами облачился в штурмовой комплект. Отправив вперед обоих следопытов, начали движение и мы.

Схрон, вернее, часового обнаружили через полчаса. Понаблюдав минут десять, я решился на штурм. По моему сигналу разведчики взяли часового.

– Где лаз? – спрашиваю я.

В ответ турок попытался что-то крикнуть оскорбительное, но заткнулся после легкого удара «вилкой» в горло.

– Господин унтер, может, он не понимает? – высказал предположение один из стрелков.

– Все он понимает, только пытается ваньку валять, – отвечаю я. – Что же, сам напросился.

Через пять минут турок, заполошно путая турецкие и болгарские слова, указал, где находится люк. А также указал на запасной лаз и подтвердил, что внизу находятся пять человек. Узнав план схрона, я решил не мудрить: собрав из принесенной взрывчатки и «колотушки» фугас, направился к лазу. Вообще-то я нарушал приказ Михайлова, он запретил мне лезть внутрь. Но у ребят не было никакого опыта, только немного теории и пара практических занятий. С опытом у меня было не лучше, но практики гораздо больше, а терять своих бойцов я не собирался. Мой план был прост. Сначала фугас, а потом я с напарником. Кто рванет через запасной лаз, убирают стрелки и разведчики.

Киваю, и тут же крышку приоткрывают, фугас вниз, крышку назад. Взрыв подбрасывает крышку, и ее сразу убирают в сторону. Шаг – и я приземляюсь на пол. Вперед. Позади себя слышу стук от приземлившегося напарника. Стоящий на коленях турок. Выстрел. Грохот. Вперед к потайному лазу. Пытается подняться еще один. Выстрел. За спиной слушаю три выстрела. Все.

Дальше мы осмотрели схрон и нашли заначку хана. Забрав оружие, казну и зарезав пленного, мы вернулись в город поздно ночью.

Глава 5

Картинки из прошлого

– Читать-писать ты умеешь, а считать? – Штабс-капитан пристально посмотрел на меня.

– Так точно! – гаркнул я.

– Что, так точно? Умеешь или нет?

– Умею, вашбродь.

– Это хорошо, проверю по ходу дела. С чертежами дело имел? – Штабс продолжил свой допрос. Вел он себя как матерый «покупатель». Слава богу, мне тоже доводилось «беседовать», потому что как сказать я знал.

– Имел. – Говорить, что нынешнее черчение для меня не представляет никакой сложности, не следовало. Кстати, смех смехом, но как себя вести? То, что я влет «читаю» чертежи, может навести на нехорошие мысли. Притвориться идиотом? Тоже не лучшее решение, так что придется положиться на русский авось.

– Тогда приступаем к занятиям, – припечатал он.

Создатели группы были очень опытными офицерами. Так сбалансировать ее состав… Опытный командир и зам. Кроме этого выделить стрелка, следопыта (читай – разведчика) и сапера. Каждый дополнительно учился по-своему ВУСу. Плюс плата за дополнительную специальность два рубля в год.

Так я стал сапером. Теория по устройству инженерных и фортификационных сооружений. Различные летучки и зачеты. Практика в поле.

– Так, все, что мы изучали до этого, было подготовкой к главному. – Стоявший у доски Ершов быстро начал писать. – Записывай тему занятия. Взрывчатые вещества. Порох…

Дальше пошли основные взрывчатые вещества того времени: пироксилин, гремучая ртуть, нитроглицерин и динамит. Каждый вид Ершов заставлял выучить до состояния «разбуди ночью». Методы хранения, безопасность. Как изготовить, пришлось вспомнить химию, теорию и практику. Затем уже пошло применение, боевая работа. Виды мин, способы минирования, все это Ершов показывал, заставляя повторять снова и снова. С каждым занятием объем задач только увеличивался. Я уже не сомневался, что знания, которые он в меня вкладывает, не преподают в училищах. Вне всякого сомнения, штабс-капитан опередил время лет на сорок, минимум. Постепенно я начал подкидывать готовые решения для его «игрушек». Но никакого прогрессорства, только то, что буквально лежало на поверхности. И первым делом я доработал гранаты.

Настоящее

На следующий день я и Овцын с шестью рядовыми стояли на посту у ворот. Место довольно людное и поэтому весьма перспективное для наблюдения. Правда, делим мы его с пехотой из гарнизона. Отношение к нам настороженное, поэтому службу несут в полную силу. «Запомните, – говорил нам ротмистр, – вы должны смотреть и запоминать: кто, когда и с кем встречается. Ни в коем случае не испугайте объекты. Может случиться всякое, возможно, придется стрелять, ваша задача – взять объект живым, мертвые мне не нужны». Делаю вид, что не замечаю бакшиш, переданный унтеру от торговца. Но зарубку на память делаю. День проходит без происшествий. Отчитываемся начальству и идем спать. Так проходит несколько дней, постепенно к нам привыкают. Город по-восточному шумный, центром, естественно, является базар. Туда ехали торговать со всех окрестных деревень. Мы обратили внимание на зажиточный вид крестьян. Относительно русских, естественно. Добротно одетые, в сапогах, они отличались от своих собратьев из России. На базаре можно было увидеть всех подданных Османской империи: турки, греки, болгары, евреи. Весь этот люд, живописно одетый, зазывал к себе, уверяя, что только здесь ты можешь купить самые лучшие товары. При смене власти сменилась и стража, ставшая болгарской, но бакшиш берущая как турецкая, легко и непринужденно. Естественно, попасть туда хотели очень многие. Мы, то есть жандармский пункт, должны были с ней вместе охранять покой обывателей и следить за порядком, а кроме того, отлавливать бандитов (башибузуков). Вот только последний пункт они выполняли неохотно. С нами ходят героями, сами предпочитают отсиживаться в караулках.

«На Западном фронте без перемен», – думал я, глядя на стоящих в карауле болгар. Мы с Овцыным расположились около рыночной караулки и ели черешню. Вокруг вовсю кипела жизнь, и, грешным делом, я потихоньку начинал ловить ворон.

– Пошли квасу выпьем. – Рука Овцына легла мне на плечо, чуть сжав, он тихо сказал: – Колеса у телеги.

Небрежно мазанув взглядом, убеждаюсь, что это колея несколько глубоковата.

– Что делать будем, Ваня?

– Не знаю.

– Берем, только пусть отъедет подальше.

– Эй, стой, далеко едешь?

От этого вопроса торговец вздрогнул и съежился.

– Ну что, давай показывай товар.

Я нагло перегородил дорогу и навел винтовку на возницу, который, к удивлению, остался спокоен, в отличие от второго. Овцын начал осматривать повозку. Ситуация мне не нравилась все больше и больше, ни тот ни другой не делали попытки откупиться. Похоже, нас уже списали. И когда торговец, приподнимаясь, рассыпал якобы случайно монеты, я, не раздумывая, выстрелил в возницу. Торговца Овцын ударом в спину свалил на землю, и я лишь добавил прикладом по ребрам.

Оказалось, мы повязали бандитов. Причем самых настоящих, правда одного, второго я застрелил. Это сейчас я спокойно вспоминаю, а тогда крики, визги, хорошо, Ваня не растерялся – пальнул в воздух и проревел матерно так, что все заткнулись, ну а я добавил про желающих поехать в Сибирь, таковых почему-то не нашлось. Раскидав сено и корзины, нашли винтовки. Колол торговца лично Овцын, хоть крови и не боялся, просто не знал, какие вопросы задать, в отличие от меня. Классическое экстренное потрошение, в результате он срочно отрядил стражника к штабс-капитану. Михайлов прибыл через сорок минут, вместе с Зотовым, и, к моему удивлению, не стал устраивать нам головомойку, а сразу приступил к допросу. Мазанул взглядом наши трофеи и приказал доставить задержанного бандита в жандармский пункт.

А трофеи нам достались просто сказочные. Магазинные винтовки Гра-Кропачека.[5 - Магазинная винтовка системы Гра-Кропачека. Калибр и патрон – 11 мм. В трубчатом подствольном магазине помещается 7 патронов, один на подавателе и один в стволе, так что винтовка может быть заряжена 9 патронами. Вес незаряженной винтовки 4,4 кг.] Двадцать штук и около полутора тысяч патронов. Именно магазинные. Когда я первый раз увидел трофейную винтовку, я просто растерялся. У нас затвердили как «Отче наш», что у турок английские многозарядки. Ага, щаз, стандартная однозарядная винтовка. И не

английская, а американская Пибоди-Мартини. Просто патронов к ней турки купили немерено и стреляли без скупости, а наши идиоты, запрещавшие солдатам стрелять на дальних дистанциях, и выдумали очередной миф. Если о больших потерях сказать «У них у всех многозарядки» – это одно. А если правду, что мы ни хрена воевать не умеем и трупами завалили, – это другое. Вот и получился миф об английских магазинных винтовках. Надо будет поосторожнее советы давать, а то вляпаюсь так, что не отмыться потом будет.

Через два дня мы узнали, что казаки вырезали под корень три отряда башибузуков. Но радовались мы недолго – утром следующего дня телеграфист сказал о второй неудаче под Плевной, я же знал, что наши опять умылись кровью.

Разговоры в высоких кабинетах

– Вы уверены в этом, Сергей Николаевич?

– Увы, да.

– Значит, канцлер нас переиграл?

– Не канцлер, а его любимчик.

– В данный момент нет разницы. Вы уже знаете о разгроме?

– Да. И главное, там государь.

– Вот именно. То, что его идиот-братец обгадился, – это хорошо, но его присутствие полностью выбивает всякую попытку его отстранения.

– Скажите, а есть там части, которые мы можем задействовать в обход братца?

– Нет, только жандармские пункты.

– Жаль. Просто неучтенная никем часть смогла бы внести разлад в планы канцлера.

– Подождите. Есть отряд осназа.

– Осназа? Это что за зверь?

– Вы напрасно иронизируете, ваше высокопревосходительство.

– Извините, Сергей Николаевич, нервы. Так что это такое?

– Отряд сформирован на базе группы осназа. Данная группа зарекомендовала себя с самой лучшей стороны. Поэтому было решено увеличить ее численность. По существу, теперь группа является командным составом отряда.

– И естественно, подчиняется нам. – В голосе генерала появился азарт.

– Естественно.

– Стоп. Чья работа убийство дочки губернатора Николаева?

– О чем вы?

– Мезенцев у вас что, горцем стал, кровную месть устраивать вздумал?

– Не понимаю, про что вы говорите. Я знаю лишь то, что капитан первого ранга Казарский отомщен.

– Что ж, может, это и к лучшему. Готовьте приказ. Первое: отряд осназа впредь именовать отдельным. Второе: отдельному отряду осназа впредь быть только поддерживающим. Третье: командиру отряда разрешается подчинять себе артиллерию не более батареи, кавалерии не более эскадрона, пехоты не более батальона.

– Но это против всех правил.

– Вот именно. А мы посмотрим, что из этого выйдет.

– Но отряд…

– Они выживут или умрут. Ставки слишком высоки, вам ясно?

– Да.

– Вот и хорошо.

* * *

Беда не приходит одна. Я стою и смотрю на Семеныча и Архипа. Их привезли днем вместе с семью драгунами. Как во сне, прошла молитва о воинах, живот положивших. Все совершилось быстро, и вот на кладбище прибавилось девять могил. Помянув мужиков, я нашел драгун, которые видели, как они погибли. Все было просто и знакомо по моему времени, комэск наплевал на все советы и без разведки полез в ущелье. Семеныч мог не идти, но он перестал себя уважать, если бы попытался отсидеться в тылу. Их с Юрьевым и двумя драгунами уложили первым залпом. Турок задавили числом, потеряв пятерых убитыми и двенадцать ранеными. После боя нашли одиннадцать турок.

Возвращаясь к себе, я увидел эту скотину, стоящую с другими офицерами. Увидев меня, он скорчил презрительную гримасу и что-то сказал. Стоящие весело рассмеялись. «Ах вы, б…ди. – Я просто озверел. – Ну ничего, посмотрим, кто в конце смеяться будет». Зайдя во двор и увидев мрачного штабс-капитана, я решился:

– Ваше благородие, разрешите обратиться?

– Что тебе, Дроздов?

– Мы так и будем сносить оскорбления?

– Не понял тебя.

– Семеныч и Юрьев, они погибли из-за ошибок командира драгун. Но все ошибки он свалил на них…

– Интересный ты человек, Дроздов. Не похож ты на простого солдата, речь, знания…

Что ж, этот момент должен был наступить. Михайлов умный человек и увидеть разницу между мной и остальными должен. Попробуем выдать свою легенду.

– Я студентом был.

– Вот как? Интересно, и почему ты ушел?

– Не сошелся с сокурсниками и преподавателями.

– И почему?

– Сокурсники, следуя моде, мечтают обустроить Россию. А когда я сначала доказал, что они не правы, а затем просто их высмеял, мне объявили бойкот. На это я наплевал, а парочке наглецов свернул челюсти, со мной больше не связывались.

– Это понятно, но что ты с профессорами не поделил? – Михайлов уже с интересом смотрел на меня.

– Да сказал, что все то, что сейчас в Европе выдают за технический прогресс, нагло своровано у нас, русских. Лектора чуть удар не хватил, зато потом визжал, как поросенок. Ну, мне и предложили уйти.

– Красиво. Только правды в этой истории нет.

– А какая правда вам нужна?

От этого вопроса у Михайлова глаза на лоб полезли.

Конечно, в отряде отношения были более простыми, чем в других частях, но мой вопрос был хамским. К моему удивлению, командир не дал мне в зубы.

– Вся.

– А в дурдом меня не отправите?

– Нет. Здесь подохнешь, – ухмыльнулся Михайлов.

Хорошее чувство юмора у него. Жизненное.

– Дело в том, что я из будущего.

Далее мне пришлось пересказать то, что я уже рассказывал Семенычу.

– Вот как. А мне почему не сказали?

– Я не был уверен, что вы мне поверите.

– Ладно. Завтра с Овцыным ко мне, а сейчас можешь отдыхать.

– Есть.

С утра к нам заехало начальство. А с ним и неприятности. Нас забирали под Плевну. Весь отряд.

– Дроздов, Овцын, ко мне.

Подбежав, мы увидели, что начальство не в духе.

– Слушай приказ…

По мере чтения я понял, что мы влипли. Похоже, началась очередная борьба за власть. И кто-то из высоких чинов решил провести разведку боем нашей группой. Потому что теперь мы могли в принципе плевать на многих командиров западного отряда. Такие полномочия не даются просто так. Это означало, что мы смертники.

«Так, здесь командует Ник-Ник-старший. Идиот и вор. Окружение такое же, – думал я. – Командует он хреново. По существу, наступление он проиграл. Турки, наоборот, с успехом воюют, им главное – выиграть время, и это им удается. И мы

вдобавок так разворошим гадючник Ник-Ника, а Плевну возьмет Тотлебен, что возможна смена руководства. Ну а нам нужно выжить».

– Все ясно? – Голос Михайлова возвращает меня в реальность.

– Так точно, вашбродь, – рявкнули я и Овцын.

– Вот что, теперь ты, Дроздов, становишься на место Семеныча. А ты, Овцын, забираешь себе стрелков Юрьева. Все понятно?

– Так точно! – бодро отрапортовали мы.

– Тогда ты, Дроздов, идешь и получаешь жалованье отряда, а ты, – Михайлов посмотрел на Овцына, – подготавливаешься к маршу. Выполнять.

Разговоры в высоких кабинетах

Канцлер империи князь Горчаков был в раздраженном состоянии. Только по-настоящему вкусил власти, и все, пора на покой. Еще больше его раздражал князь Мещерский. Этот тридцатилетний нахал держал себя с таким апломбом, что хотелось его удавить. Вот только руки коротки. Не простят Ротшильды ему смерть Мещерского. Ротшильды. Как он их ненавидел! Хотя своим взлетом он был обязан им. Как будто вчера это было.

Конец Николая I наконец открыл дорогу многим «патриотам». Правда, этот патриотизм при ближайшем рассмотрении был изменой. Одним из таких патриотов был Горчаков. Завербованный французами, он после поражения в войне заменил Нессельроде. Про последнего принято много гадостей говорить, но разведчик он был отличный, за это его и держали. Горчаков был посредственностью да еще убежденным франкофилом. Вся его политика – это политика подчинения России Франции.

– Ваша светлость.

Тон Мещерского был издевательским, но пришлось это стерпеть.

– Итак, князь, что нового вы можете сообщить?

– Все идет по плану. Никаких отклонений.

– А жандармы?

– У них нет прямых доказательств. Как нет и сил изменить что-либо.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Что ж, продолжайте дальше действовать по плану.

Глава 6

Картинки из прошлого

– Племяш, ты про Казарского слышал? – неожиданно спросил меня Семеныч.

– Конечно, – удивился я, прервав на секунду чистку «вессона». – Бриг «Меркурий».

– А что потом с ним стало, знаешь?

– Отравили его. Но история очень темная, – недоумевая, ответил я.

– Ты заканчивай, и пойдем прогуляемся.

Быстро управившись с оружием, мы пошли в класс к Ершову. Войдя в него, вместо штабс-капитана я с удивлением увидел Михайлова.

– Проходи, не стой столбом, – поприветствовал он нас. – То, что ты сейчас услышишь, не должно никуда уйти.

– Так точно, вашбродь.

– Вот и хорошо. Унтер-офицер тебя уже спрашивал о Казарском.

– Так точно, вашбродь.

– Рассказывать про него нужно? – спросил он у Семеныча.

– Никак нет.

– Тогда слушай дальше. Александр Иванович Казарский был офицером корпуса. Пусть тебя это не удивляет. Да, мундир наш он не носил, но выполнял функции по надзору за исполнением повелений государя. Во время ревизии он был отравлен. Александр Христофорович Бенкендорф[6 - Бенкендорф Александр Христофорович (при рождении Александр фон Бенкендорф) (1782–1844) – граф, российский военачальник, генерал от кавалерии; шеф жандармов и одновременно главный начальник Третьего отделения собственной Е. И. В. канцелярии.] провел следствие, которое вскрыло тайное общество. Поэтому смерть Александра Ивановича осталось неотмщенной. Слишком высокие посты занимали заговорщики. Корпусу пришлось отступить. Но мы ничего не забыли. Тайно мы уничтожали заговорщиков. Теперь тебе поручается устранить Клавдию Дмитриевну Машкову.[7 - Настоящие ФИО убийцы автор не нашел, поэтому взял произвольные.] Именно она подала чашку с отравленным кофе. Сейчас она уже почтенная дама, но разум отнюдь не потеряла. Вопросы?

– Я действую один?

– Да.

– Как все устроить? Несчастный случай или грабеж?

– Грабеж. – И Михайлов позволил себе улыбнуться. Вот только улыбочка у него была еще та. Волчья.

– Где она живет или гуляет?

– Все, что нужно, расскажет унтер-офицер. – Михайлов дал понять, что инструктаж закончен.

Вышел я из класса ошарашенный. Оно понятно, просто так взяли и приказали убить… Кого? Человека? Не смешите меня, сия дамочка, наверняка «завалив» несчастного Казарского, спала сном младенца. Здесь пиетета к человеческой жизни не испытывают. И потом, ты, парень, не забыл, где служишь? И мужичков, расстрелянных тобой? Вот так. Сопли и сантименты в сторону. Тебе поручили задание, и ты его выполнишь на пять с плюсом.

Переговорив с Семенычем, я узнал, где объект гуляет. Под благовидным предлогом на следующий день мы отправились в город. Найдя безлюдное место, я переоделся в гражданку. Стараясь как можно меньше привлекать внимание, прошелся по парку. М-да. Плохо, очень плохо. Незаметно «сработать» не удастся. Хотя вот за этим поворотом «цель» будет не видна гуляющим. Густые кусты скроют меня, если метнуть нож… Есть. Рискованно, но по-другому не получится.

Все это я изложил Семенычу. Он покряхтел, но план одобрил. Пришлось изготовить под это дело пару ножей и до изнеможения тренироваться все отпущенное время. Спустя два дня я лежал в зарослях. Немного потряхивало, глубоко выдохнул, заставляя себя успокоиться. Наконец появилась «цель». Меня она не видела, но сама была как на ладони. Высокая, прямая и отнюдь не собиравшаяся на тот свет. Больше всего меня поразили глаза. Правду говорят, что они зеркало души, в них была только жажда власти и готовность идти для этого по трупам. Она так и не поняла, что убита. Я вогнал ей нож в глазницу, а дальше, продравшись через кусты, быстро сымитировал ограбление. Сорвал сережки, перстень и ожерелье и рванул оттуда как можно быстрее.

– Эй, ты что здесь крутишься? – Невысокий тип перегородил мне дорогу. – Это наше место…

Да, это мне «повезло» нарваться на шпану. Сейчас начнется базар: «Это наша корова, и мы ее доим». Главное – они меня могут опознать. Значит, надо «чистить».

Босяк так и не успел договорить, как получил «лапой тигра». Крутнувшись по часовой стрелки с левой руки, вогнал нож в горло второму.

– Ты чего… – запаниковал третий и, попытавшись отступить назад, споткнулся и упал на спину.

Падать его явно не учили, приложился он не слабо. Спасибо за подарок, и он получил нож в горло. Разворот, первый только начал приходить в себя. Пара шагов, ногой по чашечке, левой в горло, а правой с «вишней» в «солнышко». Готовы. Так, делаем натюрморт на тему «вор у вора». Все, сваливаем.

Настоящее

Присутственное место, похоже, одинаково во все времена. Поймав у входа провинциального секретаря, я узнал, где находится местный кощей, пардон, казначей. Оставив свой конвой в холле, направляюсь в заветную комнату. В ней сидел уже пожилой коллежский секретарь с внешностью доброго дедушки. Однако нужно держать ухо востро. Этот милый дедушка в звании поручика мне сильно не понравился. Все инстинкты просто кричали об опасности.

Дедушка, увидев меня, хоть и пытался сохранить невозмутимость, но ему это не совсем удалось. Его в принципе можно понять. Всегда к нему приходили офицеры, которых он почти всегда «обувал». А сейчас перед ним стоит жандармский унтер. Не позавидуешь ему, и хочется и колется.

– Что тебе? – спросил он, не отвлекаясь от бумаг.

– Денег, – протягиваю ему ведомость. Глядя на него, понимаю, что не удержится. А чему удивляться. Тысяча двести рублей с копейками.

– Держи. – И отдает мне пачку. – Свободен.

– Деньги счет любят. – Пересчитав, убеждаюсь, что полностью деньги не выданы. – А остальные?

– Вот что, унтер, если не нравится, возвращай деньги и проваливай отсюда, – с раздражением говорит старикан. Проняло его, такой гешефт, похоже,

накрывается.

– Как скажете. – Я кладу деньги обратно на стол. – Ведомость?

– На. Больше можешь не приходить, понял? – Похоже, настроение я ему испортил на весь день.

– Нет.

От моего ответа бедняга аж подскочил. Такой наглости он еще не встречал.

– Унтер, не забывайся, я имею чин офицера.

– У нас и генералы на допросах плачут. – Я с удовольствием процитировал классику.

– Вон, – прошипел красный от ярости чиновник.

Выхожу от него, спокойно прикрывая дверь. Внутри меня все просто клокочет от злобы. Ладно, суки, сейчас будет вам визит вежливости.

Роскошные планы мести временно улетучились, когда я увидел проходившую мимо меня колонну войск. Два в одном. Рояль, как сказали бы в моем времени, но факты вещь упрямая. Мимо проходили кубанские пластуны, причем не менее батальона. Но еще большей радостью для меня была следовавшая за кубанцами батарея. Не может быть, твердил я, видя проезжающие пушки Барановского.

– Разрешите, вашбродь? – постучавшись, спросил я.

– Заходи.

В комнате кроме Михайлова были Овцын, Зотов и незнакомый мне полковник корпуса.

– Вот теперь все в сборе, – сказал подполковник, поднимаясь со стула. – Слушай приказ…

Интересно, за что это нас «любят»? Повышение в званиях, конечно, хорошо, но мертвым это ни к чему. Офицерам дали очередное звание, а нас с Овцыным перекинули аж через несколько ступенек. Он теперь фельдфебель, а я прапорщик.

– Господа, какие у вас предложения?

– Разрешите, вашбродь? – встал Овцын.

– Слушаю вас, фельдфебель.

– У нас имеются трофейные многозарядки. Половину из них хорошо бы переделать под наш патрон.

– Вы, прапорщик.

– Для усиления необходимы дополнительные силы. Когда я шел сюда, то мне навстречу попались кубанцы и батарея 2,5-дюймовок Барановского. И необходим взвод минеров. У меня все.

– Хорошо. Эти части я включу в состав формируемого отряда.

– Господин подполковник?

– Слушаю вас, господин капитан.

– Нам необходимы стрелковая и саперные роты, которые будут подчинены непосредственно мне. Две батареи четырехфунтовок с тройным запасом снарядов на орудие. И эскадрон кавалерии. И главное, кто будет командиром этого отряда?

– Я, – спокойно сказал подполковник. – Вы жизнью битые и понимаете, что если вас оставить одних, то на отряде можно ставить крест.

– Господин подполковник, – заговорил Зотов, – как насчет наведения порядка в этом бардаке?

– Наведем обязательно. Итак, все прекрасно понимают, что сейчас творится под Плевной. Турки повторяют, причем успешно, наши действия в прошедшей войне. Мы теряем людей и время и вследствие этого – победу. Из последних приказов вам ясно, что с помощью вашего отряда мы попытаемся переломить ситуацию в свою пользу. Теперь по штату отряда. За городом нас ждут саперная и стрелковые роты армейцев. В ваш отряд прибыло пополнение. Сотня стрелков и тридцать саперов. Пришлось вы грести все наши депо. Артиллерию получим здесь. Вопросы?

– Господин подполковник, – поднялся со своего места Зотов, – кто заменит осназ?

– Вам придается конная команда.

– Спасибо, – ответил сразу повеселевший Зотов.

– Господин подполковник, – сказал я, вставая, – в приказе говорилось о возможности подчинять себе различные части?

– Да.

– Тогда необходимо взять кубанцев. Их подготовка почти не отличается от нашей, и в грядущих боях нам будет проще взаимодействовать именно с ними. А батарея с пушками Барановского может быть использована непосредственно в боевых порядках.

– Я согласен с моим офицером, – произнес Михайлов. – Если есть возможность, то надо сформировать сильный отряд, который не зависит от выделенных ему сил. Такой отряд может действовать самостоятельно.

– Хорошо. Тогда начинаем.

– Это просто. Не надо идти на поклон к армейцам, не дадут. Но вот интенданты вполне смогут дать.

– И как ты этого добьешься? – В голосе Михайлова слышался скепсис. Понять его можно. Снабжать создаваемый отряд никто не возьмется, а малейшая нехватка

боеприпасов и снаряжения поставит на нашей самостоятельности жирный крест.

– Очень просто. Наверняка они часть грузов продают, а списывают как утраченные в результате несчастных случаев. Мы под видом поиска шпионов, которые эти случаи и устраивают, находим учетные книги, и интенданты у нас в кармане.

– А ведь выйдет… Так, Овцын, остаешься здесь, Дроздов, за мной.

– Далеко собрались? – поприветствовал нас Зотов.

– Интендантов учить, как надо Родину любить, – брякнул я.

– Пойдемте. А то прапорщик половину перестреляет. И с кем работать тогда?

– А вот Александр Васильевич…

– Я знаю, что он говорил, – прервал меня подполковник. – Только вот он не всех вешал, а лишь в исключительных случаях. Понятно?

– Понятно. А сейчас случай разве не исключительный?

– Слушай, Дроздов, когда нужно будет вешать, тебе скажут, – прервал мои разглагольствования Михайлов.

Наш визит интендантам запомнился надолго. Правильно, ведь когда выносится парадная двухстворчатая дверь, это сразу выбивает из равновесия. А когда ввалившиеся типы целеустремленно поперли к кабинету начальника, стало просто страшно. Ведь жандармы, конечно, гадкие и противные, но они обязаны вести себя вежливо. А эти черт знает во что одеты, только по кепи и понимаешь, с кем дело имеешь, командир их хоть по форме одет. Так они и силу применяют.

На требование предоставить нам книги, естественно, отказали под благовидным предлогом. Но поручика было не остановить, всю свою ненависть за последние дни он выплеснул на них.

– Голубчик, поймите правильно…

Звук взводимого курка оборвал речь этого прохвоста.

– Что вы себе позволяете…

– Заткнись. – Это я с удовольствием говорю ему. – Ты что, не понял, кто к вам пришел?

– Книги. – От голоса Михайлова заметно похолодало. – Прапорщик, если не подчинятся, то…

– Понял, господин капитан, по законам военного времени. Давно пора.

– Так, господа, извольте прекратить этот балаган и удалиться.

«Ого, никак местный начальник нарисовался», – подумал я.

– Рапорт о вашем недостойном поведении я подам вашему начальству, – продолжает давить он.

– Подполковник, я думаю, что вам придется пройти с нами в пункт, где вы подробно расскажете, как такое количество грузов можно потерять, – отчеканил Зотов.

Перемещаюсь за спину подпола.

– Шаг влево, шаг вправо – попытка побега, стреляю без предупреждения. – Мой «вессон» смотрит ему прямо между лопаток.

– Ты. – Палец Зотова указывает на нашего спорщика. – Живо собрал книги и пошел вперед.

Посадив обоих в пролетку, нанятую нами, доставляем обоих к себе. Что же, первый раунд за нами.

Несомненно, наша поездка произвела фурор. Такого в той истории никогда не было. Добравшись, мы препроводили обоих интендантов в разные комнаты. Зотов занялся наглым начальником, молодому поручику, прибывшему вместе с полковником, достался спорщик.

– Не уходите, господин прапорщик, – остановил он меня. – Возможно, мне понадобится ваша помощь.

– Есть. Синицын, Иванов, ждать здесь.

Посадив его перед собой, поручик начал просматривать учетные книги. Взяв одну из них и быстро пролистав, положил ее обратно. Похоже, воровали все, кто только мог дотянуться до любых ценностей. Крымская кампания научила только одному: воруй, и тебе ничего за это не будет.

– Мне просто интересно, вы понимаете, что все это, – я указал на стопку книг, – нож в спину собственной армии.

– Да ты понимаешь, с кем связался?

– Я – да, но ты, похоже, не понял, что вашей неприкосновенности приходит конец?

– Да видели мы таких молодых, и где они? – В его глазах я увидел превосходство и презрение к нам.

– Запомни, сука, мы тоже не дети. И Казарского запомнили. Та б…дь поплатилась за его смерть. Что глазками засверкал, не нравится? Ничего, Нерчинск и Акатуй ждут вас.

– Не боишься, как я погляжу. – Теперь он не скрывал ненависти. – Думаешь, победил? Рано радуешься, сопляк.

– А ты, старый хрен, о защитниках думаешь? Зря. Его, – поручик кивнул на комнату, где были Зотов и подполковник, – возможно, и спасут, но тебя – нет, и ты это отлично знаешь, вот и злобишься. Так вот, у тебя теперь два пути. Первый. Даешь мне подписку о сотрудничестве и возвращаешься обратно к себе.

Второй. Продолжаешь переть как бык, и тогда я тебя сажаю. Выбирай.

– Не много на себя берешь? – Похоже, интендант немного растерян. Он просто не ожидал от поручика такого. Что же, пока враг растерян, его надо дожимать.

– В самый раз. У тебя минута, если нет, Богом клянусь, посажу. Плевать на последствия для себя, но ты сядешь.

Он, видимо, не верил поручику, но, встретившись с моим взглядом, он замер. А я, глядя на него, вспоминал всех тех, кто в мое время точно так же вершил судьбы. Но здесь и сейчас я действительно мог восстановить справедливость. И поэтому он, увидев в моих глазах чистую ненависть, которая была направлена только на него, сломался.

– Твой псевдоним Ветров, – усмехнулся я.

Убедившись, что расписка о сотрудничестве написана правильно, я вышел из комнаты.

Мой второй визит к казначею был краток. Он беспрекословно выдал все деньги по ведомости.

Глава 7

Картинки из прошлого

Убийство повергло в шок местную богему. Досталось всем: и полицмейстеру, и исправнику. На нас прогрессивная общественность особенно постаралась отыграться. Нам припомнили все: и что было, и чего не было. Конкретно для нашей группы это вылилось в беготню по окрестным лесам в течение недели. Для маргинального элемента суета здорово сказалась на здоровье. Три мелкие бандочки мы зачистили, но, сообщив сотскому[8 - Сотский – в XIX – начале XX столетия – один из низших чинов полиции на селе. Свои обязанности исполнял, как правило, безвозмездно, в порядке натуральной мирской повинности. Не

являлся должностным лицом сельского управления. Выбирался ежегодно на сельских сходах по одному от 100–200 дворов.] старосте число голов, были подняты на смех. Мол, семнадцать человек – это чересчур. Бить морду ему не стали, а тихо удалились. Как говорится, хорошо смеется тот, кто первым стреляет. Четвертую шайку мы выслеживали уже из вредности, и, найдя, дождались ночи и тихо взяли в ножи.

Утро у вредного сотского удалось. Выйдя во двор и увидев нас, поинтересовался, что нам нужно. Вышедший из дому кум спросил, какого хрена мы тут делаем. Поручик не стал долго ждать и элегантным жестом скинул дерюгу. Под ней оказалось семь голов. Первым не выдержал кум, утробно метнув завтрак на землю. Через пару секунд к нему присоединился сотский. Налюбовавшись этим зрелищем, Михайлов с барственной интонацией сказал, что дарит им награду, причитающуюся за бандитов. Мол, мы люди скромные, нам и жалованья хватит. И, оставив наш законный трофей, вышел со двора. Угу, интересный у нашего командира юмор, ведь теперь сотскому придется объяснять, почему у него головы оказались. Геморрой ему предстоял знатный, аж приятно на душе стало.

А когда вернулись из рейда, до нас довели, что злодеи пойманы. Полицаи нашли моих «крестников», а оброненный перстень подобрал, на свою беду, шпаненок. И естественно, при дележе получил нож в сердце от подельника. Правда, тот через два часа напоролся на тройку городовых. А те в свете произошедшего начали пальбу. В общем, на трупе нашли перстень, который со скорбной миной вручили радостным наследникам. Бог с ними, серьгами, у бабульки сорок тысяч наследства только ассигнациями. Поэтому дело торжественно закрыли.

* * *

Ну, здравствуй, Плевна. На третий день форсированного марша мы вышли к ней. Я понимаю удивление и недоумение тех, кто нас видел. Жандармы, числом не менее полутора сотен, рота стрелков, три батареи, батальон кубанских пластунов и рота саперов. Плюс внушительный обоз. Одним словом, сюрреализм и ночной кошмар службиста. Встретивший нас ротмистр указал место нашей дислокации.

Настоящее. Три дня назад

Закончив все дела в городе, мы отправились в расположение прибывшего подкрепления. Недалеко от города рядом с небольшой деревушкой раскинулся палаточный городок.

– Ну и куда нам идти? – задал я риторический вопрос.

– Прямо, господин прапорщик, – ухмыльнувшись, ответил Овцын.

– Ты самый умный, Вань? Ты у нас разведчик, вот и найди наших.

– Есть.

Минут через десять я знакомился с двумя поручиками.

– Командир саперного взвода прапорщик Дроздов.

– Поручик Дубов.

– Поручик Захаров.

– Господа, не покажете мне пополнение?

– Конечно.

Да, такого, признаться, я не ожидал. Все новое, что имел корпус, выделили нам. Оружие, снаряжение. Патронов каждый стрелок имел по пятьсот на ствол. А люди? Статью хоть в гвардию. Теперь нам нужно доказать, что все эти траты были не блажью, а необходимостью.

Попрощавшись с офицерами, я направился принимать свой взвод.

– Становись! – скомандовал унтер. – Равняйсь! Смиррно! Вашбродь, саперный взвод построен. Доложил старший унтер-офицер Немов.

– Здорово, саперы.

– Здравия желаем, вашбродь.

– Вольно, разойдись. Унтер-офицер, останьтесь. Где нам можно поговорить?

– Пойдемте в палатку, вашбродь.

Спустя пару минут я с удовольствием сидел на походной койке.

– Чаю?

– С удовольствием.

– Савельев, чаю живо, – прокричал унтер.

– Рассказывай, что нового прислали вместе с вами.

– Во-первых, оружие, вашбродь. Кроме берданки нам каждому винчестер теперь положен.

– Так. Где мой? Пусть его принесут сейчас.

– Сейчас, вашбродь. – Унтер быстро вышел из палатки.

Через минут пять я стал счастливым обладателем винчестера модели 73-го года. Да. Не ожидал. Молодец штабс-капитан, молодец.

– А патроны к нему где? – спросил я.

– Так патроны от «вессона» к нему подходят.

– Ты уверен? – Я скептически посмотрел на унтера.

– Не сомневайтесь, вашбродь, проверено.

Вот это подарок! Просто фантастика. И почему предков в мое время держат за идиотов? До войны уже были серьезные теоретические разработки тактики. Но господа генералы, как обычно, все слили в сортир. Жуковское «мне это не надо» живее всех живых. Вот только теперь отдуваться придется и мне.

– Чай, вашбродь, – отвлек меня от невеселых мыслей голос Немова.

– Есть еще что-нибудь интересное? – спросил я, с наслаждением отхлебнув горячего чая.

– Такая амуниция…

– Давай показывай.

– Вашбродь, чаю хоть попейте.

– Расскажи-ка мне о бойцах, какая подготовка, какое у них настроение.

– Стрелять, бегать-прыгать их научили. Гвардия нам в подметки не годится, настроение боевое. Но в бою никто еще не был. А бой, он и есть бой.

– Это да. Сам где воевал? Польша?

– Она.

– Ладно, пойдем посмотрим снаряжение.

Нет, это фантастика. Я глядел на это богатство, не доступное никому, кроме нас. Обмундирование: такая же куртка-парка с брюками из прочной брезентовой ткани. Но к ней в придачу шел теплый шерстяной свитер с высоким горлом. Такие назывались в моем времени «рыбацкими». Бронежилет доработали уже с учетом накопленного опыта. Он стал компактнее и легче. Похоже, пришли к выводу, что от ружейной пули он не спасет, а значит, его задача – защита от осколков и холодного оружия. Взяв его в руки, я очень удивился. Весил он килограммов пять, не больше, идеален для штурмовых групп. Шлем меня просто убил – практически точная копия ЗШ-1. Не удержался и примерил. Он немножко тяжеловат, на мой взгляд. Но с первыми образцами и сравнивать неудобно.

Превосходит их раза в три по всем параметрам. Ну и на десерт РПС. Творчески доработанная моя идея с портупеей. Все удобно размещается, нигде особо не мешает. Настоящие профи, может быть, ее и раскритиковали, но меня она устроила.

– Чем еще порадуете?

– А как же. Савельев, давай сюда студента.

Минут через десять в палатку вошел парнишка лет двадцати. Отметив на погонах белый кант вольноопределяющегося, с интересом ждал его рапорта. То, что этот нескладный и, похоже, домашний мальчик напутает с докладом, я был уверен.

– Господин прапорщик, вольноопределяющейся Сытин явился.

– Как вас по имени-отчеству?

– Алексей Николаевич.

– Алексей, просто запомните на будущее, что вы не являетесь, а прибываете. А чем вы занимаетесь здесь?

– Господин прапорщик, я снаряжаю гранаты и фугасы. А также отвечаю за хранение взрывчатки.

– Какая взрывчатка, вас сейчас в наличии? – Всю мою веселость как отрезало.

– Пироксилин и динамит,[9 - Данные взрывчатые вещества в те времена нуждались в очень аккуратном обращении и хранении. Бывали взрывы или их порча из-за неправильного хранения.] господин прапорщик. Вы зря сомневаетесь, – продолжил он, видя мою реакцию. – Господин штабс-капитан меня тщательно готовил. И в Горном я практику проходил с данной взрывчаткой.

– Очень хорошо. Скажите, а зачем вы пошли в корпус? Просто с такими знаниями вас с удовольствием приняли бы в любой род войск. И на гражданке вы сделали бы хорошую карьеру.

– Боюсь, вы ошибаетесь. Мои взгляды не позволяют мирно сосуществовать с большинством интеллигентов в погонах или в гражданской одежде.

– И в чем они выражаются, если не секрет?

– Отнюдь. Все эти вольности и шараханье не доведут нас до добра. На мой взгляд, нужна твердая рука, как при Иване Грозном.

Ни фига себе, а парнишка не прост. И симпатии к «кровавому тирану», которого вся интеллигенция не переносит, не скрывает.

– Мы сработаемся. – И я протянул ему руку.

После оборудования лагеря подполковник собрал у себя в штабе старших офицеров на совещание. Как я туда попал? Очень просто. Я командир саперной сводной группы. Михайлов просто в наш отряд осназа влил прибывших саперов. Вообще народу пришло не так много. Комбат кубанцев со своим начштаба, командиры батарей со старшими офицерами, Михайлов с командирами стрелковой и саперной рот. Штабное управление было образовано на базе штаба кубанцев.

– Итак, господа офицеры, обстановку все почувствовали? – Прослушав невеселые подтверждения, подполковник продолжил: – Готовится очередной штурм, и не факт, что он будет успешным. Поэтому прошу вас высказаться, как каждый из вас думает действовать.

«Ого. Метод мозгового штурма. Классика жанра, хотя им пользуются черт-те сколько веков, почему-то считается, что он изобретен на Западе», – подумал я.

– Начнем с младших по званию, – продолжил подполковник.

– Господа, – начал я, вставая, – на данный момент нам противостоит хорошо вооруженная, обученная, а главное, почувствовавшая вкус побед армия врага. Ей командует наиболее талантливый полководец, который умеет побеждать.

– Это все? Прапорщик, заканчивайте быстрее, – начал было начштаба кубанцев.

– Господин подъесаул, вы что, бросите свои элитные роты пластунов в лоб на неразбомбленные редуты? – прервал я его. – Вас расстреляют на подходе, а тех, кто все-таки дойдет, добьют штыковой.

– Так уж и добьют…

– Турки здесь отлично воюют. Две Плевны уже было, вы хотите третью?

– Пока мы ничего не услышали, господин прапорщик, – с иронией сказал Заваловский, командовавший скорострелками Барановского.

– Взаимодействие и тактику оставим в стороне, – начал я. – Сейчас мы определяемся со стратегией. Не смешно, – оборвал смешки офицеров. – Первое: это разведка. Всегда впереди должны идти группы разведчиков. Второе: никогда не дробить силы. Бить кулаком, а не растопыренными пальцами. Начнем воевать «вот этой ротой ударить здесь, вот этот взвод обороняется здесь» мы умоемся кровью. Третье: ни одного человека, ни одного патрона не отдавать никому, глазом моргнуть не успеем, как отряд растащат по кусочкам. Четвертое и, наверное, самое главное. Думать. Нас могут не поддержать ни при успешной атаке, ни в обороне. Поэтому наша главная задача состоит в том, чтобы нанести максимально возможные потери противнику при минимуме потерь с нашей стороны. Проще говоря, если потребуется отступить, то это надо делать, а не стоять насмерть, напрасно теряя людей. У меня все.

Что после началось. Крик, обвинения во всех грехах. Вот только армеец с сапером неожиданно для всех меня поддержали. Это остудило горячие головы, и началось нормальное совещание. В общем, согласились, что я все-таки прав. Правда, каждый ввел оговорки и дополнения, но суть от этого не изменилась.

* * *

О, женщины, вам имя вероломство. М-да, старик Шекспир был прав. Столкнулся я с женщиной, блин. Вообще-то это не я, а она меня увидела первой. Меня направили на рекогносцировку, наш отряд менял армейцев, понесших большие потери в прошлых штурмах. Мы прошли уже две трети пути, когда мимо нас галопом, поднимая пыль, пронеслась группа всадников. Поначалу я не обратил на них внимания, но, когда они остановились недалеко от нас, понял, что без

происшествий не обойдется. К гадалке не ходи, наши мундиры явно их спровоцировали на эти злые выходки. Продолжая двигаться, я внимательно следил за ними. Без сомнения, тон задавала красивая стерва в амазонке. Офицеры, которых я причислил к штабным бездельникам, были готовы исполнить любой ее каприз. Послышался веселый смех, и вся эта гоп-компания рванула с места, оставив вместо себя густую пыль. А нам пришлось через эту пыль идти.

– Опять стоят, – невесело сказал кто-то сзади.

– Разговорчики, – прикрикнул я.

Понятно, что люди устали, а эти твари веселятся, энергию им деть некуда. Но обстановку эти «приколы» накалили. Чего они там стоят, интересно? Подойдя ближе, все стало ясно. На дороге лежали конские «яблоки». Немного, но при движении колонной кто-то обязательно вляпается. Не смертельно, но очень обидно. Ну почему эти так нас ненавидят? Ведь это уже не детские шалости, похоже, вот они, корешки, из которых и вырос 17-й год. Надо быстро решать, что делать. Обойти не дадут, специально встали так, чтобы помешать нам пройти. Прямо по дерьму. А что, если так?

– Колонна, стой. Принять вправо. Привал, – скомандовал я, не доходя шагов пятнадцать до «яблок».

Облом, твари. Что, суки, не ждали? Похоже, кайф я им безнадежно испортил.

– Что вы встали? – раздраженно спросила амазонка.

– А вы что, разве не слышали? Привал у нас, – с издевкой ответил я.

– Прапорщик, не забывайся. С кем ты так смеешь разговаривать.

– А хрен его знает.

– Что?! Да как ты…

– Мы сегодня живы, а завтра один Бог ведает, что с нами будет, я понятно выражаюсь?

– Хам, – презрительно сказала всадница и поскакала прочь.

– Ну, прапорщик, ты за это ответишь.

– Ага. Легко, – сказал я отъезжающим всадникам.

Глава 8

Интересно, кто эта стерва? Дочка или?.. Нет мне, естественно, все равно, просто интересно, откуда такая злоба. Не сомневаюсь, что эта шобла успела нажаловаться на меня. Ну, что-то мне сделать – руки коротки, но напакостить – это завсегда. Ну да ладно, перейдем к более животрепещущей теме.

– Давай шире шаг, – надрываюсь я.

– Куда спешить-то? – раздается из строя.

– Унтер, кто у нас такой умный? Когда придем на место, он твой.

– Есть.

Жарко. Но мы продолжаем как заведенные шагать по пыльной дороге. К чему эта спешка? Очень просто. Наш отряд дали как поддерживающий группе Скобелева под Ловчу. Вот и тороплюсь я, чтобы иметь время для знакомства с местностью. Ведь это шанс. Шанс изменить историю не только войны, но и последующие за ней годы. Для этого есть все, главное – идти до конца. Вот только есть куча но. Это и отсутствие боевого опыта, и трудности снабжения, тупость командования и так далее. Но самое главное – наш отряд не был сколочен. Не прошел боевого слаживания. Как воздух, были необходимы совместные учения. Тогда мы хотя бы просто познакомимся с тактикой друг друга.

На месте мы были в шестом часу вечера. Минут десять я потратил, чтобы найти начальство. Им оказался штабс-капитан шуйцев. С интересом оглядев нас, он наконец соизволил снизойти до меня.

– И кто вы такие?

– Прапорщик Дроздов. Командир сводной саперной группы.

– Понятно. Вон туда идите, найдете поручика Крейга. Он укажет, где копать.

М-да. Нет, они что, все сговорились? Или, видя наши мундиры, у окружающих начинается массовый психоз? Я посмотрел на часы. Михайлов с остальными должен был подойти примерно через час.

– Чего стоите? – недовольно спросил штабс.

– Мы – поддерживающая часть, – ответил я как можно спокойнее, прикинув, где можно расположить людей.

– Вам отдан приказ…

– Я из отряда полковника Боголюбова.

Скривившись, будто съел лимон, штабс молча удалился. А вот это интересно. С чего такая реакция? Попытка найти хоть одного вменяемого офицера с треском провалилась. Штабного хлюста в чине капитана, цедившего каждое слово, я просто послал по матери. На вяканье о дуэли ему было сказано, что пусть присылает хоть секундантов, хоть маркитанток. Плюнув, я остался на месте ожидать своих. Единственное, что меня хоть немного утешило, – возможность отдохнуть. В дальнейшем ее просто не будет.

– Вашбродь, идут, – крикнул наблюдатель.

– Вижу, – ответил я, вставая с земли.

– Ну, как здесь? – спросил меня Михайлов.

– Плохо. Похоже, разведки никто не ведет, что за траншеей турок – неизвестно. Терра инкогнита. На Западе опять будут говорить о драке слепых с кривыми.

– Не преувеличиваешь?

– Нет, скорее преуменьшаю. Вечером хочу разведку выслать.

– Хорошо.

– Только никаких языков. Не стоит настораживать турок. Пусть только посмотрят.

– После того как вернутся, сразу в штаб.

– Есть.

– Все.

К девяти уже стемнело. Что же, самое время для разведки. Приказал Овцыну переодеться в полевой комплект формы. Ни хрена себе! Видок у разведчиков был еще тот, в новой форме с РПС они смотрелись шикарно. А если немного похулиганить?

– Вань, а на голову что наденешь?

– Как что, кепи.

– Ага, ну-ну. Далеко видать будет.

– Так, что надеть?

– Держи. – И я протянул ему бандану.

– Господин прапорщик, да что…

– Вот так надень. – Я быстро завязал узел. – Видишь, пот не заливает глаза. Удобно. Узел для шеи защитой служит.

– Так.

– Да, – вынес я вердикт, осмотрев его труды. – Попрыгали.

Ни у кого ничего не стукнуло.

– С Богом.

И разведчики ушли в ночь.

Когда они вернулись спустя четыре часа, я был готов их порвать на части.

– Сергей, что с тобой? – спросил меня Овцын.

– Нервы, Вань, просто нервы.

– Лучше иди отдыхать, завтра будет тяжелый день, – устало произнес Овцын.

* * *

– Еще раз, – повторил я ненавидимую всеми фразу. – Шевелись. На исходные.

– Загонишь, – прохрипел Михайлов. Он успел простыть и сейчас больше отлеживался, чем командовал штурмующими траншею солдатами.

– Больше пота, меньше крови. Они не должны думать, что им делать. Все должно быть на инстинктах, как у зверей.

– Ну, ты хватил, Сергей. Продолжай.

И я продолжил. Без сомнения, меня ненавидели не только солдаты, но и офицеры. Особенно артиллеристы скорострелок. Туда-сюда катать пушки очень

тяжело. Мы уже четыре часа штурмовали траншеи, которые построили по данным наших разведчиков укрепления. Последний раз так тренировались, кажется, под Измаилом. Вот только времени у нас уже не было. Завтра должен начаться штурм Ловчи. Нас, конечно, не просвещали, но подготовку не заметить невозможно. Правда, подготовка была бестолковая. Орудия открыто устанавливали почти в двух километрах от траншей, на пределе дальности стрельбы. И попасть с тех позиций, кроме как в гору, больше ни во что нельзя. Не видно ни хрена потому что. Встревать не стали, только разделили цели. Наша левая, а их правая часть траншеи.

– На исходные, – повторяю я снова. – Вас всех убили, атака сорвана.

– Но, вашбродь…

– Что? Вы не прикрывали друг друга, – объяснял я ошибки. – А гранаты? Почему ими не работали?

– Работали…

– И все истратили. Запоминайте. При команде «по первой огонь» гранатой поражаете отрезок траншеи, находящийся перед вами, – ткнул я в следующий изгиб. – Вторая соответственно вот, – продолжил, указав следующий поворот. – И так далее. Понятно?

– Так точно, – рявкнули мои гаврики.

– Отлично. На исходные, – повторяю я снова.

* * *

Мы должны взять Рыжую гору. Через нее проходит дорога прямиком в Ловчу. Турки ее перекрыли траншеями в два ряда. По крайней мере до второй Овцын добрался. А не верить ему у меня оснований не было. Насчет орудий Ваня мне ничего не сказал – не видел, но это не значит, что их нет. Главное – обнаружить их заранее. Вот только как? Ладно, траншеи не редут, взять проще.

– Вань, давай снова.

Овцын от этих слов морщится, но покорно начинает рассказ заново.

– Здесь у них траншея метров двести. Левый фланг открыт.

– У обоих?

– Да.

– А секреты, дозоры?

– Дозоров нет. А вот секреты имеются.

– А как они службу несут?

– Хреново. Там я только башибузуков видел.

– Точно? – Меня охватил охотничий азарт. – Это очень важно.

– Точно. Ты думаешь…

– Ну да. От нас чего ждут? Лобовой…

– А мы…

– Тихо-тихо спустимся с горы, – процитировал старый анекдот в моем времени и новый в этом.

– Серега, ты гений.

– Да нет, я просто делаю, что требуется в данной ситуации.

– И план имеется.

Михайлов, когда его узнал, очень удивился.

– Сергей, а пушки тебе тогда зачем? Ты всем постоянно говорил, что без них ничего у нас не получится.

– Алексей Иванович. – Я разложил карту. – Смотри. Дорогу турки оседлали прочно.

– Ну и что? Артиллеристы выкурят их из траншей.

– И мы их потом где-то еще должны будем добивать. Не смогут пушкари их уничтожить. Да и турки не дураки, пока мы по ним стрелять будем, они просто уйдут из траншеи.

– Ладно, я тебя понял.

– Так вот, – продолжил я. – Левый фланг у них висит в воздухе.

– А вторая траншея? Они тебя перестреляют.

– Ага. За семьсот шагов. Это у нас стрельба хорошо поставлена. А везде три патрона в год на человека. К тому же мы тоже не сиднем сидеть будем.

– А про потери ты не думал?

– Как раз и подумал. Нет у нас боевого опыта. И если сделаем как задумали, потери будут минимальны. Просто никто не ждет такой атаки. Алексей Иванович, господин капитан…

– Ладно, хватит придуриваться. Думаю, поддержат твою идею с ночной атакой. Все, иди отдыхать.

Время. Все снаряжение подогнано и проверено. Патроны и гранаты получены.

– Вы готовы? – спросил я косящегося на нас комбата кубанцев.

– Да. Ну и видок у вас.

– Что-то не так?

– Да нет, просто непривычно.

– Надеюсь, нашу форму запомнили?

– Вас трудно спутать с кем-либо. А ничего форма, надо будет переговорить с вашим начальством.

Лес. Как часто его не замечаешь, а он с улыбкой смотрит на своих неразумных чад. Светлые боры с вековыми соснами, густые темные ельники, чарующие своей красотой березняки. Лес-батюшка. Он кормил, помогал строить, а когда надо, укрывал детей своих от врагов. Он давал силу и веру. А потом, словно напитавшись у его корней старой древней силой, вырывались из него наполненные яростью воины. И враг, еще вчера сытый, сильный и смелый, в страхе убегал прочь. И те, кто уцелел, по ночам пугали своих детей и внуков рассказами о русском лесе.

Здесь леса как такового нет. Так, перелески, но и они здорово помогают скрытно приблизиться к траншее турок. Впереди идут два десятка разведчиков Овцына и десятка три пластунов. Так что сюрпризов в виде кинжального огня можно не опасаться. Ага, вот и видна работа разведчиков… Трое турок тихо остывают. Подойдя ближе, понимаю, что они не солдаты, а башибузуки. А это не может не радовать. Стойкость у последних не та.

– Вашбродь, все, траншея впереди, – прошептал подошедший разведчик.

– Господин есаул, – обратился я к комбату кубанцев. – Действуем, как обговорено?

– Да. Ну, с Богом.

И мы поползли. Что такое сотня метров? Ерунда. Но когда ты ползешь, обвешанный гранатами, и ждешь выстрелов в упор, эти метры превращаются в бесконечность. Уже светало, когда мы достигли рубежа атаки. И крик часового был как эпитафия. Раздались выстрелы, и незадачливые сторожа свалились вниз.

– Гранатой огонь! – Мой рев, наверное, было слышно за километр.

«Колотушку» в правую руку, левой рукой воспламенить запал. Бросок. Следующую. В левую «вессон», в правую «эфку». Рывок. Падаю на бруствер. Лицо. Выстрел. «Эфку» в траншею.

– Вторым огонь, – ору я.

Вокруг гремели выстрелы. Переваливаюсь в траншею. Так, пока все нормально. Идем как на тренировках. Треугольником, вершиной вниз. Вершина – мои ветераны. Сверху по обе стороны идет молодняк и стрелки Овцына. Иду следом за своими стариками, за спиной топает резерв. Отделение саперов и с десяток пластунов.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Вессон» – револьвер «смит-вессон» образца 1871 г. (1-го образца).

2

Драгунка – драгунская винтовка системы Бердана образца 1871 г.

3

«Вишня» – нож НР-43.

4

В реальной истории Сергей Геннадиевич Нечаев (20 сентября 1847 г., с. Иваново, ныне г. Иваново – 21 ноября 1882 г., Санкт-Петербург). В данной истории не был выдан в 1872 г. швейцарским правительством.

5

Магазинная винтовка системы Гра-Кропачека. Калибр и патрон – 11 мм. В трубчатом подствольном магазине помещается 7 патронов, один на подавателе и один в стволе, так что винтовка может быть заряжена 9 патронами. Вес незаряженной винтовки 4,4 кг.

6

Бенкендорф Александр Христофорович (при рождении Александр фон Бенкендорф) (1782–1844) – граф, российский военачальник, генерал от кавалерии; шеф жандармов и одновременно главный начальник Третьего отделения собственной Е. И. В. канцелярии.

7

Настоящие ФИО убийцы автор не нашел, поэтому взял произвольные.

8

Сотский – в XIX – начале XX столетия – один из низших чинов полиции на селе. Свои обязанности исполнял, как правило, безвозмездно, в порядке натуральной мирской повинности. Не являлся должностным лицом сельского управления. Выбирался ежегодно на сельских сходах по одному от 100–200 дворов.

9

Данные взрывчатые вещества в те времена нуждались в очень аккуратном обращении и хранении. Бывали взрывы или их порча из-за неправильного хранения.

Купить: https://tellnovel.com/salikov_andrey/zhandarm

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити